ПИОНЕР 19

П 29
34

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда" 1935 г.

К борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР № 19

Орган Центрального комитета ВЛКСМ
Адрес ред.: Сретенка, 1. Тел. 5-60-76.

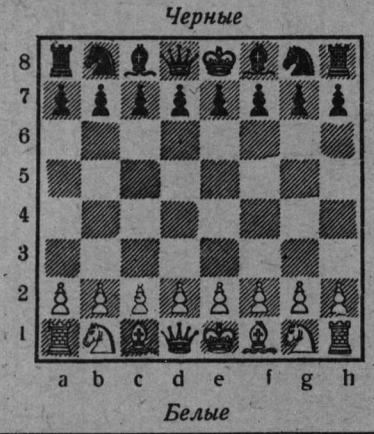
Октябрь 1935

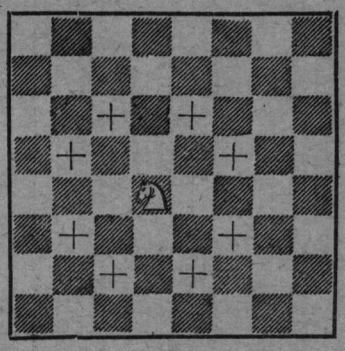
Для начинающих шахматистов

ПОД РЕД. С. М. ШПРЕХЕРА

Каждый из противников перед началом игры имеет 16 следующих фигур: 1 короля, 1 ферзя, 2 ладьи, 2 слона, 2 коня и 8 пешек.

Перед началом игры эти фигуры расставляются на шахматной доске, как показано на диаграмме.





При игре в шахматы с давних времен установилось правило, что игру начинают белые, т. е. они делают первый ход какой-либо своей фигурой. После этого черные также делают ход, затем опять ходят белые, и т. д.

Каждая фигура имеет точные правила ходов, и ни один из игроков не имеет права нарушить эти правила. Вот эти правила:

Король ходит во всех направлениях, но только на одно поле. кроме того один раз в течение партии король может сделать так называемую рокировку, о которой я подробно расскажу в следующий раз.

Ферзь ходит во всех направлениях по горизонталям, вертикалям и диагоналям на любое расстояние.

Ладья ходит на любое расстояние, но притом только по прямой линии: на горизонталях или вертикалях.

Слон ходит на любое расстояние, но только по диагоналям, и, следовательно, слон не может перейти с поля одного цвета на поле другого цвета. Благодаря этому слонов называют «белопольными», которые ходят по белым полям, и «чернопольными», которые ходят по черным полям.

Конь обладает наиболее сложным ходом: он ходит две клетки прямо и одну—вбок. Это наглядно показано на диаграмме, где конь может пойти на любое поле, обозначенное крестиком.

Пешки ходят только вперед на одно поле по вертикалям, на которых они находились в начальном положении, причем в начальной позиции каждая пешка имеет право хода на два поля вперед, в зависимости от желания игрока, если же пешка уже сделала с начальной позиции один ход вперед, то это право теряется навсегда.

Ни одна фигура не может пойти на поле, уже занятое фигурой того же цвета, а также не имеет права через нее перескочить. Только конь может прыгать через свои и неприятельские фигуры.

Если фигура встречает на своем пути фигуру того же цвета, то она может только остановиться на смежном поле, если же на пути стоит фигура другого цвета — неприятельская, то эта фигура может быть взята или, как часто говорят, побита и должна быть снята с доски, и на ее место становится побившая ее фигура.

В шахматах, если какая-нибудь фигура стоит под ударом, ее можно брать, но можно и не брать. Все это зависит от желания игрока — как ему выгоднее.

Все фигуры, за исключением пешек, могут двигаться и снимать или бить фигуры противника в любом направлении, пешки же ходят только вперед, а бьют фигуры противника наискось.

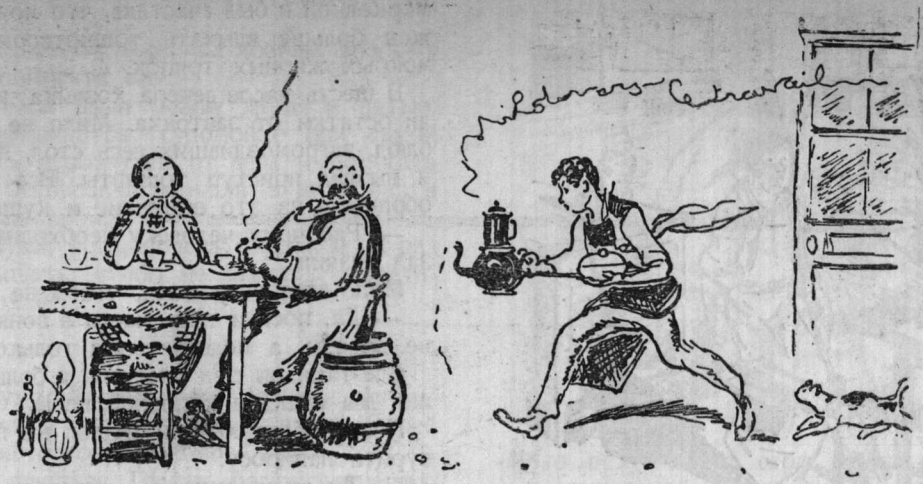
Для тренировки предлагаю вам расставить на доске шахматы и разыграть следующие коротенькие партии, причем надо внимательно проверять правильность каждого хода.

Белые	Черные
1 e2 — e4	e7 — e5
2 Kg1 — f3	Kc8 — c6
3 cf1 — c4	Kg8 — f6
4 Kf3 — g5	d7 — d5
5 e4 : d5	Kf6 : d5
6 Kb1 — c3	Kd5 : c3?
7 Cc4 : f7 +	Kpe8 — c7
8 b2 : c3	h7 — h6
9 Cc1 — g3 +	Kpc7 — f6
10 Фd1 — f3 +	Cc8 — f5
11 Kg5 — e4 +	Kpf6 : f7
12 Фf3 : f5 +	Kpf7 — g8
13 Фf5 — e6 +	Kpg8 — h7
14 h2 — h4!	Фd8 — f6?
15 Ke4 — g5 +	Фf6 : g5
16 h4 : g5 ×	

А вот партия, записанная сокращенной нотацией:

Белые	Черные
1 d4	d5
2 Kf3	Kf6
3 c3	e6
4 Cd3	Kbd7
5 Kbd2	Cd6
6 e4	de
7 К : e4	К : e4
8 С : e4	0 — 0
9 Cg5	Фe8
10 0 — 0	f5
11 Cd3	e5
12 de	К : e5
13 Лc1	Фh5
14 К : e5	Ф : g5
15 Cc4 +	Kph8
16 Ф : d6	cd
17 Kf7 +	Л : f7
18 Лe8 ×	

На обложке: портрет школьницы Наты Ишматовой, сделанный с натуры художником Л. Бруни в Таджикистане.



Гос
Публич
Б-ка
в
Ленинград

МИЛО

Рассказ Шарля Вильдрака

Перевод с французского
Игн. Петрова

Рисунки французского
художника Анри Миранда

„Мило“ — рассказ французского писателя Шарля Вильдрака из его книжки о жизни мальчика-подростка Эмиля, уменьшительно Мило. Шарль Вильдрак — активный участник антифашистского конгресса писателей в Париже, о котором мы писали в № 16 журнала „Пионер“. Вильдрак — друг Советского союза и теперь наш гость. Как он нам рассказывал, его книжка „Мило“ запрещена для чтения школьникам во французской колонии Марокко.

★

Мило вышел из дому в четверть десятого и не спеша пошел по длинной улице Канебьер, словно омытой утренним светом и морским бризом.

На площади Кастеллан он поглядел на часы: без восьми минут десять. Мило помчался бегом и запыхавшись подбежал к двери ресторана за две минуты до открытия.

Светлый зал приятно пах хвоей, которую официантка Юлия разбрасывала по еще мокрому полу. Другая — Тереза — только что начала стелить гофрированные бумажные скатерти на голые доски столов.

В глубине зала, налево, между двумя дверями, возвышалась длинная стойка. Хозяин, господин Кирилл, сдвинув в сторону стопки тарелок и тяжелую корзину со столовыми приборами, выстраивал на ней длинную вереницу винных бутылок.

— Ага, пришел, дружок, — встретил он Мило и, бросив взгляд на стенные часы, добавил: — Ты аккуратен. Помоги официанткам накрыть столы. Только сначала попроси у жены передник, она на кухне.

Госпожа Кирилл, засучив рукава, стояла у плиты, заставленной кастрюлями и сковородами. Капли пота стекали по лбу ее и щекам. Рядом с ней полная 40-летняя женщина рубила петрушку.

— Здравствуйте! — сказал Мило. — Я пришел за передником.

— Здравствуй, мой мальчик. Как тебя зовут?

— Эмиль Котино. Но дома меня все зовут Мило.

— Отлично, Мило. Вот здесь тебе и придется работать. А это Анжель — наша судомойка. Сними куртку и повесь ее в кладовой. Дайте ему передник, Анжель.

Надев синий передник, Мило вернулся в зал.

Он притащил тарелки и вместе с Юлией и Терезой живо расставил их по столам. Затем они разложили приборы, поставили на каждый столик плетеную корзинку с хлебом, стаканы, графины, солонки, судки с уксусом и маслом...

Работа показалась Мило нетрудной; окончив ее, он помог Юлии расставить шесть столовых приборов на покрытом клеенкой столике у двери в кухню.

— Это для нас, — сказала Юлия.

В 11 часов хозяева, судомойка Анжель, Юлия, Тереза и Мило уселись за стол.

— Мальчик хорошо поработал, — заметил хозяин, разливая по тарелкам уху.

— Да, он молодчина, — подтвердила Тереза. — Если бы не он, мы бы не справились так скоро.

— Для того мы и наняли его. Не правда ли, Мило? — спросила хозяйка.

Мило с удовольствием позавтракал. Господин Кирилл налил ему стакан вина, как взрослому. Он встал из-за стола, довольный этой первой частью своего первого трудового дня.

★

Хозяйка уже вернулась к плите, а хозяин, став за стойку, резал тонкими кружочками копченую колбасу. Тереза и Юлия убирали служебный стол и, подозвав Мило, сказали ему.

— Отнеси-ка эти тарелки.

Мальчик с грудой грязных тарелок пошел на кухню.

— Поставь сюда, — сказала Анжель, указывая пальцем на длинный каменный стол. На нем уже стояли две лохани с горячей водой.

— Я буду мыть, а ты будешь брать сразу по десятку тарелок, блюд, салатников и относить их вон на тот стол, покрытый клеенкой. Затем ты насухо будешь вытирать их полотенцем и относить в буфет, что подле плиты.

Накопилось столько грязной посуды, что официантки перестали подносить ее, так как все равно некуда было ее ставить.

— Ты понимаешь, — добавила хозяйка слышавшая этот разговор.—Бывают минуты, когда почти вся посуда на столах, и, если мы не успеем перемыть грязную, как только ее подадут сюда, тарелок не хватит. Возьми полотенце с веревки в кладовой.

Мило с увлечением начал вытирать тяжелую белую посуду. Хозяйка открыла окошечко в стене, отделявшей кухню от зала. Вскоре Тереза и сам хозяин стали таскать на кухню груды грязных тарелок, салатников и блюдец, на которых подавали закуски. Анжель полоскала их в лоханях и пододвигала вымытую посуду к Мило. Как ни спешил мальчик, он не поспевал за судомойкой, и вскоре той пришлось бросить мытье, вооружиться полотенцем и помогать Мило перетирать тарелки. Около часа дня накопилось столько грязной посуды, что официантки перестали подносить ее, так как все равно некуда было ее ставить. Мило перетирал тарелки, стиснув зубы и отчаянно вращая испуганными глазами. Заметив это, судомойка рассмеялась:

— Не спеши так, — сказала она, — теперь уж там тарелки ненужны. Можешь перетирать спокойно, до обеда еще далеко.

Хозяйка сняла с плиты сковородки и кастрюли, передала их судомойке и пришла на помощь Мило. Это ободрило мальчика. Несколько минут спустя и Тереза, взяв полотенце в кладовой, стала рядом с ним, в то время как Юлия выметала опустевший зал, а хозяин снимал со столов запачканные вином и соусом бумажные скатерти.

Последнюю тарелку Мило вытер в половине шестого.

*

Вымыв руки, Мило прошел в зал.

— Ну как, дружок, пойдет дело? — спросил хозяин.

— Надеюсь, сударь, — ответил Мило. — Но у меня очень болят руки.

— Это с непривычки. Через два дня так навострishься, что и усталости не почувствуешь. А теперь садись, отдохнешь за чисткой моркови. Видишь, я уже накрыл столы к обеду.

Действительно, столы были накрыты человек на двадцать. Вокруг служебного стола уселись хозяин, хозяйка, Мило и обе официантки и стали чистить овощи. Мило получил на свою долю большую корзину с морковкой и был счастлив, что может сидеть и не должен больше вдыхать тошнотворный запах кухни и мокрых жирных тряпок.

В шесть часов вечера хозяйка подала обед. Это были остатки от завтрака. Мило не был голоден, запах блюд, загромоздивших весь стол, напомнил ему кухню и вызвал приступ тошноты. Все уговаривали его не обращать на это внимание и кушать.

— Рабочему человеку необходимо питаться, — сказал хозяин.

Мило едва удержался, чтобы не ответить:

— Да, посиди пять часов в вонючей кухне, тут уж не до еды, а подышать бы только свежим воздухом.

Все-таки он с'ел апельсин и большими глотками выпил два стакана холодной воды.

После обеда хозяин вышел на порог ресторана выкурить папиросу.

— Ты очень устал? — спросила Юлия у Мило.

— Нет, — хвастливо ответил мальчик.

— Знаешь что? — посоветовала она ему вполголоса. — Оставляй подольше тарелки на столе: они подсохнут, и тебе легче будет вытирать.

Снова появились посетители, и Мило пришлось вернуться на кухню. Судомойка уже мыла грязные тарелки в горячей воде, и Мило с полотенцем в руке занял свое место. Эти часы показались ему самыми трудными. Только поздно вечером, в половине десятого, госпожа Кирилл сказала мальчику:

— Теперь ты можешь идти домой: ты хорошо поработал. До свиданья. Приходи завтра в десять часов.

*

Следующие дни не принесли Мило облегчения.

По утрам, идя в «Судостроительный ресторан», Мило чувствовал себя тем грустнее, чем голубее было небо, чем свежее и бодрее был утренний ветерок, чем радужнее сверкали здания старого порта и города под лучами весеннего солнца.

Приятней всего были утренние часы: накрывать на стол вместе с Юлией и Терезой было весело и легко. Но вскоре, пользуясь тем, что по утрам Мило не нужно было перетирать посуду, господин Кирилл поручил это дело ему одному, а Юлии и Терезе дал другую работу. Случалось, что Мило забывал подать нож или вилку, не так ставил солонки. В таких случаях хозяин ворчал на него, иногда довольно сурово.

Он был «мальчик», и каждый сваливал на него часть своих обязанностей, каждый считал себя вправе командовать им.

— Мило, — говорила Анжель, — отнеси это ведро с помоями во двор.

— Мило, — просила Тереза, — принеси мне чистый передник из шкафа.

— Мило, — говорил хозяин, — у меня нет папирос. Сбегай-ка в табачную лавку.

— Мило, — приказывала хозяйка, — поди купи килограмм крупной соли.

За столом, если не хватало хлеба, воды или тарелки, Мило должен был вскакивать со стула и бежать за хлебом, за водой, за тарелками.

В конце дня Мило чувствовал, что ноги отказываются служить ему.

На третий день, следуя совету Юлии, он попробовал оставлять тарелки сохнуть, прежде чем перетирать их. К несчастью, он сделал этот опыт как раз в ту минуту, когда на буфете почти не оставалось чистой посуды.

— Мило, где же тарелки? — крикнула Тереза, дрожа от нетерпенья.

— Послушай, Мило, ведь не хватает тарелок, — зашипела хозяйка.

— Заснул ты, что ли? — закричал хозяин, вбегая в кухню. — Анжель, помогите ему.

Самые тяжелые часы были между двумя и пятью. Кому-нибудь из официанток, судомойке или самой хозяйке приходилось отрываться от дела и помогать ему. При этом они недовольно ворчали, а иной раз и поругивали Мило.

У Мило болели руки, ноги, болела голова, и он рад был бы вовсе не дышать, чтобы не вдыхать отвратительного запаха лоханей.

★

Хозяева и все служащие ресторана кончали завтракать. Мило, сидевший в конце стола, рядом с Юлией и мадам Анжель, чистил себе яблоко.

Все внимательно слушали Терезу, рассказывающую о дорогом ресторане в центре города, где работал муж одной из ее знакомых. Тереза рассказывала, какие огромные деньги платят там посетители за яйцо всмятку или за апельсин.

— Эка невидаль—содержать такой ресторан!—сказал господин Кирилл, наливая себе стакан вина. — Нетрудно угодить посетителям, которые платят деньги не считая. Нужно не столько кормить этих господ, сколько дразнить их апетит и помогать без счета мотать деньги. Вот у нас — другое дело. Мы даем нашим клиентам необходимое, а не излишнее. Благодаря нам рабочие получают лучшую пищу по самой дешовой цене. Наш ресторан позволяет им позавтракать, не теряя времени на ходьбу, так же хорошо, а иногда и лучше, чем дома. И мы едва-едва зарабатываем на жизнь, хотя сами работаем как простые рабочие.

— Это правда, — подтвердила госпожа Кирилл. — Мило, принеси кофейник с плиты. Да захвати и сахарницу, когда будешь на кухне.

Мило положил на стол яблоко и побежал на кухню. Речь хозяина произвела на него глубокое впечатление. Ему приятно было думать, что господин Кирилл — такой славный человек, друг рабочих, который, не щадя сил, трудится для их пользы.

Тереза, повидимому, была того же мнения. Когда Мило вернулся с кофейником, она говорила:

— Ясное дело, хозяин ресторана, о котором я говорила, не стал бы делать того, что вы делаете здесь.

Мило все время перебирал в уме слова хозяина и в этот день работал с такой же охотой, как в первый день поступления на службу.

«Выходит, — говорил он себе, — что моя работа не так бессмысленна. Не будь нас здесь, рабочим судостроительного завода приходилось бы солоно».

Часов около трех, когда хозяин задержался в столовой и не пришел вовремя на смену Анжели, мальчик, которому нечего было вытирать, схватил мочалку и стал мыть тарелки.

— Перестань, Мило! — закричала Анжель. — Ты что: мало работаешь за свои несчастные пять франков в день? Хватит с тебя! Хозяева заставляют тебя работать за взрослого. А ему пришлось бы платить, по крайней мере, втрое больше! Я слышала, как хозяин разливался за завтраком и, честное слово, еле удержалась, чтобы не отбрить этого лицемера. Конечно, он с женой работает наравне с нами. Но это совсем не из человеколюбия, а из скупости! Они просто хотят поскорее накопить денег, продать ресторан, уехать в Ниццу и жить ничего не делая. Конечно, они кормят дешево, но совсем не от доброты: в двух шагах отсюда ресторан конкурента. Вот они и стараются, кто состряпает дешевле. Ведь они готовят из таких продуктов, что ими побрезговал бы последний бедняк.

Мило получил на свою долю большую корзину с морковкой и был счастлив, что может сидеть.

— Однако кушанья, которые здесь дают, не так уж плохи, — возразил Мило.

— На вкус-то они неплохи, и в первые дни кажется, что пища здесь хорошая. Но мы-то знаем, как гнилую рыбу да тухлое мясо приправляют всякими соусами, чтоб дух отшибло. Посетители-то ничего не знают, а нам-то все известно. Да, люди здесь отравляются, сами того не замечая, и поэтому только «Судостроительный ресторан» лучше чем его сосед на улице Иена. А ты заметил, что я не ем здесь ничего, кроме овощей, салата и сыра?

Мило растерянно слушал Анжель. Он не знал, кому же, наконец, верить.

★

Приглядевшись поближе, он мало-помалу пришел к заключению, что правда была на стороне Анжели.

Мальчик понимал теперь, что работа его совсем не по жалованию. Это возмутило его и заставило возненавидеть свою службу, тем более, что день ото дня хозяева все хуже и хуже обращались с ним. Теперь в десять часов вечера госпожа Кирилл уже не отправляла его домой. Ему приходилось самому робко спрашивать:

— Сударыня, уже десять часов. Могу ли я уйти?

— Иди, иди, — сердито отвечала хозяйка.

Мило возмущался, что приходится выпрашивать себе свободу, на которую он имеет право. Всякий раз, прощаясь с хозяевами, он должен был делать над собой усилие, чтобы не бросить им в лицо: «Больше вы меня не увидите. Хватит с меня! Найдите кого-нибудь другого, кто согласился бы работать двенадцать часов в сутки за пять франков». Но он удерживался и молчал.

Однажды в четверг, возвратившись домой измученным и усталым, Мило нашел на столе письмо от отца. Тот извещал, что пароход, на котором он служит, прибудет в Брестский порт в следующий вторник, и просил Мило в понедельник выехать из Марселя. Мило сразу забыл про усталость. Ему захотелось плясать и петь. Он решил, что до субботы проработает в ресторане, а в воскресенье будет отдыхать.

★

— Господин Кирилл, я должен вас предупредить, что завтра я ухожу.

Мило проговорил эти слова чуть слышным голосом, завязывая на спине передник. Он только что пришел в ресторан.

Господин Кирилл, резавший сыр тонкими ломтиками, так и замер с поднятым в руке кухонным ножом:

— Как это так ты бросишь работу?..

— Да, сударь. Завтра я еще работаю целый день, а послезавтра я уйду. Я получил письмо от отца. Ведь я говорил, когда вы меня нанимали, что работать буду временно, покамест мой отец не вернется из плавания...

— Временно-то, временно — это верно, но я думал, что ты поработаешь у нас месяца два. Если бы я знал, что речь идет о двух неделях, я бы тебя не взял. Мне выгоднее было бы сразу нанять кого-нибудь другого: ты бросаешь работу, едва-едва обучившись делу, и предупреждаешь меня всего за день!

— Неправда. Я научился работать в первый же день, — возразил Мило. — Не такая уж хитрость — вытирать тарелки. А об уходе я предупредил вас только сегодня потому, что раньше сам не знал.

— Когда ты должен быть в Бресте?

— Во вторник!

— Как?! — вскричал хозяин. — Ты уезжаешь из Марселя только в понедельник и хочешь бросить работу уже в субботу?! Ладно, отдохни в воскресенье. Все равно раз в две недели я должен был бы отпустить тебя с полудня. Но в понедельник обязательно приходи! Должен же я иметь время на то, чтобы подыскать кого-нибудь взамен тебя.

— Нет, — сказал Мило. — Не могу.

— А я говорю, придешь! Я заплачу тебе жалованье только в понедельник вечером. Ты обязан был предупредить меня об уходе не меньше чем за восемь дней!

— Нет, сударь! Я не приду в понедельник, — ответил Мило дрожащим голосом.

Юлия, которая работала в столовой и слышала весь разговор, с негодованием заявила:

— Господин Кирилл, Мило не обязан предупреждать вас за восемь дней. Поденные рабочие имеют право не делать этого. Я понимаю, что вы хотели бы заставить его работать как можно дольше потому, что платите ему гроши. Но знайте, если вы не дадите ему расчет завтра вечером, я тоже брошу работу!

Услышав спор, хозяйка вышла из кухни. Узнав, в чем дело, она сообразила, что попытка ее мужа опасна и бесполезна. Мило все равно не останется на лишний день, а, упорствуя в своем решении, господин Кирилл рискует, что и Юлия покинет ресторан.

— Чорт с ним! — проворчала она. — Пусть уходит, если уж он не понимает, что ведет себя как последний негодяй. Обойдемся как-нибудь без него.

— Сударыня, — сказала Юлия, — через двадцать четыре часа вам пришлют десять судомоек, обратитесь только в профессиональный союз. Не надо даже ходить туда, просто позвоните по телефону.

— Кто у вас спрашивает совета? — грубо отрезала хозяйка. — Займитесь своим делом.

Госпожа Кирилл вернулась на кухню, ворча сквозь зубы: «Судомойку из профсоюза, как бы не так! Двадцать франков в день».

Мило схватил стопку тарелок и стал их расставлять по столам. Он тяжело дышал и смахивал с глаз непрошенные слезы. Его взволновали не столько упреки хозяина, сколько великодушное заступничество Юлии.

— Спасибо, Юлия, — сказал он тихо, проходя мимо нее. — Вы действительно ушли бы из-за меня?

— Знаешь ли, — прошептала она, — днем раньше, днем позже...

★

В «Судостроительном ресторане» все вошло в колею и хозяева больше не говорили об уходе Мило. Мальчику показалось, что они забыли думать о нем, но, внезапно обернувшись, он заметил, что хозяин не спускает с него глаз: очевидно, он опасался, что мальчик будет увиливать от работы. Из гордости Мило в этот день работал безукоризненно.

— Господин Кирилл, я должен вас предупредить, что завтра я ухожу.

Неожиданно хозяйка все-таки заговорила об уходе Мило. Она спросила Анжель, не знает ли та кого-нибудь, кто мог бы заменить Мило. Судомойка ответила, что она знает одну женщину, которая, вероятно, согласилась бы приходить после полудня.

— И возьмет она недорого, — добавила она. — Два с половиной франка в час.

— Два с половиной франка в час за мытье посуды?! — воскликнула хозяйка.

— Работа стоит того, — возразила Анжель, подмигивая Мило.

— О, да! — прошептал мальчик.

Хозяйка поспешила переменить разговор.

В субботу утром Мило с легким сердцем пошел на работу.

«Эх, с какой радостью я буду работать сегодня, — говорил он себе, — еще бы, когда знаешь, что делаешь эту противную работу в последний раз».

Но Мило ошибся. Весь день его томила грусть. Он работал в «Судостроительном ресторане» всего две недели, а ему казалось, что он проработал тут месяцы, что тут прошла большая часть его жизни.

Так освобожденный узник со слезами на глазах оглядывает темницу перед тем, как покинуть ее: не вид тюремной камеры трогает его, а воспоминание о собственных несчастьях.

За обедом Мило почти ничего не ел. Теперь он считал часы, остающиеся до конца дня. Последний час показался ему особенно долгим. Тем не менее он заставил себя остаться до четверти одиннадцатого, чтобы хозяева не могли ни в чем упрекнуть его. Но хозяин сделал вид, что и не заметил этого. Наконец, госпожа Кирилл сказала мужу:

— Рассчитайся с мальчиком.

Деньги были уже приготовлены.

— Вот четырнадцать раз по пять — итого семьдесят франков, — сказал хозяин, указывая движением головы на кредитные билеты, лежавшие на углу конторки, и тотчас же снова погрузился в свою газету.

— До свиданья! — сказал Мило, кладя деньги в карман.

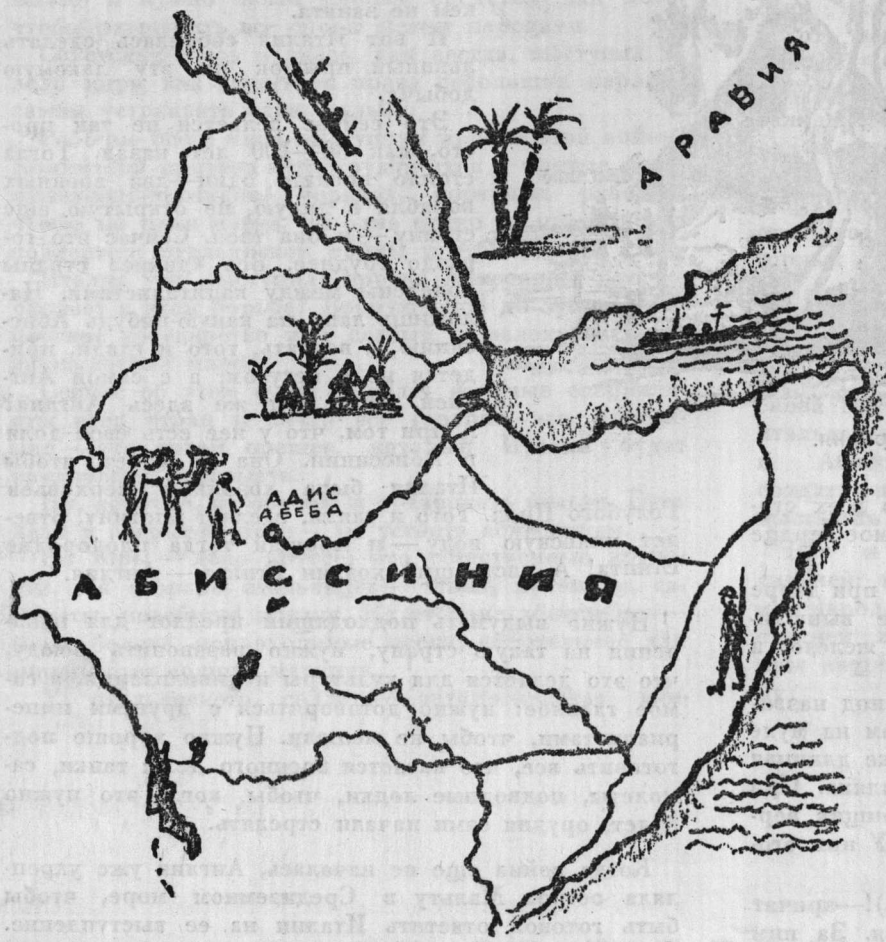
— До свиданья, Мило, — ответили Анжель, Тереза и Юлия.

Хозяева промолчали.

АБИССИНИЯ

Б. Ивантер

Рис. М. Аскинази



Почему-то многим кажется, что Абиссиния — маленькое государство, затерянное где-то в северо-восточном углу Африки. На самом деле это совсем не маленькая страна: она по пространству больше и Германии и Франции вместе взятых. Это очень большая плодородная страна. Она стоит как высокий скалистый остров среди моря непроходимых африканских песков.

В Абиссинии теперь такой общественный строй, как в Европе 600 — 700 лет назад. Это — средневековое государство. Благодаря непроходимым пескам и недоступным горам оно сохранилось до нашего времени.

Самым главным властителем в Абиссинии считается император. У него очень пышный титул «негус-негести»—по-абиссински «царь царей». Считается, что ему принадлежат вся земля, все леса, все воды Абиссинии. Он отдает эту землю князьям — расам. Расы отдают землю вельможам, чином пониже. Эти вельможи ведут жизнь помещиков. На них работают крестьяне. Это такая же барщина, какая была когда-то в крепостной России. На труде крестьянина и держится вся эта пирамида: и помещик, и рас, и сам негус-негести. Половина урожая идет на прокорм знатных людей. Кроме крестьян в Абиссинии есть еще два миллиона подневольных людей — это рабы. Рабы — потомки покоренных племен, внуки и правнуки пленников. Они работают в домашнем хозяйстве помещика: это слуги, носильщики, дворня.

Погонщик верблюдов.

Высокие горные цепи задерживают влажные ветры Индийского океана. Они проливаются дождями над Абиссинским плоскогорьем. Почти шесть месяцев подряд льет в Абиссинии обильный тропический дождь. Дождь проливается над горами. С гор сбегают ручьи, они сливаются в потоки. Наливаясь и набухая, они текут вниз и образуют горные реки и озера. Из этих рек и ручьев рождается Голубой Нил. Он вытекает из озера Тана и, сливаясь с Белым Нилом, дает жизнь и плодородие всему Египту.

Дожди там льют зимой, разгар этой тропической «зимы»—месяц июнь. Дожди размывают всю Абиссинию. Бездорожная горная страна становится совсем непроходимой. Зимой там дожди, а летом такое солнце, что даже природные абиссинцы вынуждены носить широкополые шляпы или европейские каски.

В лесах Абиссинии водятся слоны, львы, носороги, удавы, гигантские земляные черепахи, в горах ее лежат огромные богатства: золото, драгоценные камни, железо, медь, никель.

Для такой огромной страны населения там немного. В Европе на этом пространстве жило бы миллионов сто народу, если не больше. А в Абиссинии миллионов десять всего.

Можно проехать тысячи километров по Абиссинии и не встретить ни одного города: так их мало. Да и похожи они больше на деревни. И дома в городах такие же, как в деревнях.

Да и дома ли это? Переверните страницу. Вот на рисунке абиссинская деревня. В таком доме живет обычно семья. Этот «дом» сплетен из ветвей. Он не защищает ни от холода, ни от дождя, ни от ветра, ни от комаров. От комаров спасает только дым. Чего-чего, а дыму в этих хижинах довольно. В них топится очаг без трубы и дымохода. Дым выходит только через дверь и щели в стенах. Горят эти хижины часто. Загорится одна — и всей деревне конец: сгорела.

Воин.

А не топить нельзя. Днем там жарко, а ночью на горах, на большой высоте, всегда холодно. Абиссинец спит ночью в том, в чем ходит днем: в рубахе и штанах.

Эта страна столетиями жила как средневековая крепость. Но за последние 40—50 лет со всех сторон к ней подступил капиталистический мир. Со всех сторон она граничит либо с английскими, либо с французскими, либо с итальянскими колониями.

Абиссинская деревня.

Средневековое государство осаждено со всех сторон. Вот и железная дорога проникла в самое сердце страны, к Аддис-Абебе.

И послы заграничных государств сидят при дворе негуса, и ловкие европейские дельцы уже вынюхивают, где лежит нефть, где золото, где железо, и самолеты летают уже над столицей...

Мы на улице в этой большой деревне под названием Новый цветок (Аддис-Абеба). Верхом на муле едет князь—рас. На этом знатном человеке длинная черная пелерина и широкополая серая шляпа. При всем этом наряде он бос как любой погонщик верблюдов. Перед ним бегут молодые рабы. У них оголено правое плечо — это знак рабства.

— Гарры, гарры (сторонись, сторонись)!—кричат они. Народ сторонится. Рас приближается. За ним торопится его дружина. У дружинников ружья на плече, патронташи у пояса и... щиты из шкуры носорога на руке.

Прохожие и проезжие стоят по сторонам. Когда мимо них проезжает рас, они так низко кланяются, что кажется, будто они стоят на коленях.

Эта страна, дикая и плодородная, нищая и богатая, лежит как лакомое блюдо между тремя капиталистическими державами: Англией, Францией и Италией. Каждое из этих государств зорко следит за тем, как бы сосед не отхватил кусок пожирней.

Италия с давних пор метит на Абиссинию. Она подобралась к ней с двух сторон. С севера — итальянская колония Эритрея, с юга — итальянское Сомали. Италия уже и раньше нападала на Абиссинию. Лет сорок назад она послала в Африку, чтобы отхватить кусок Абиссинии, 16 тысяч солдат, но абиссинцы выставили 40 тысяч, и в битве при Адуе окончательно разбили итальянцев.

Однако вкус у итальянских империалистов к Абиссинии все не пропадал. У Италии колоний меньше не только чем у Англии и Франции, но даже чем у таких стран, как Бельгия, Португалия, Испания. Все эти государства вывозят из колоний огромные богатства: золото, фрукты, ценные породы дерева, сырье для своих фабрик. Капиталистическая Италия — не последняя по силе страна в Европе: она хочет наживаться на колониях не меньше ее соседей. Африка лежит ближе других частей света к итальянскому сапогу. «Но близок локоть — да не укусишь». Лучшие, ближайшие и богатейшие страны Африки заняты: Алжир и Тунис — Францией, Египет — Англией. А вот Абиссиния — та формально еще никем не занята.

И вот Италия собралась сделать львиный прыжок на эту лакомую добычу.

Это сейчас делается не так просто, как 80—100 лет назад. Тогда стоило послать один—два военных корабля в дикую, не открытую еще страну — и она твоя. Сейчас это гораздо труднее. Все «дикие» страны поделены между капиталистами. Наложишь лапу на какую-нибудь Абиссинию, а воевать, того и гляди, придется не с негусом, а с самой Англией. При чем же здесь Англия? А при том, что у нее есть своя доля в Абиссинии. Она не хочет, чтобы Италия была хозяйкой верховьев Голубого Нила. Того и гляди, сделает плотину, отведет нильскую воду — и прощай тогда плодородие Египта! А настоящий хозяин Египта — Англия.

Нужно выдумать подходящий предлог для нападения на такую страну, нужно раззвонить всюду, что это делается для культуры и цивилизации, а самое главное: нужно договориться с другими империалистами, чтобы не мешали. Нужно хорошо подготовить все, что касается военного дела: танки, самолеты, подводные лодки, чтобы, когда это нужно будет, орудия сами начали стрелять.

Когда война еще не началась, Англия уже укрепляла остров Мальту в Средиземном море, чтобы быть готовой ответить Италии на ее выступление. Тогда уже поговаривали о том, что Англия закроет Суэцкий канал для итальянских пароходов.

Мир в беспокойстве. Все прекрасно знают, что стоит загореться в одном месте небольшому военному костру, как пожар войны охватит весь мир.

Но так как нельзя совсем открыто заявить, что хочешь проглотить целую страну, то Италия выдвигает разные доводы за то, что нужно выступить против Абиссинии, и самый главный ее козырь — это рабство в Абиссинии.

Воин.

«Освободить абиссинских рабов—это священный долг Италии!»—кричат они на весь мир.

Они молчат о том, что итальянский рабочий под каблуком фашистского сапога сам живет рабской жизнью. Они молчат о том, что в их собственных колониях, в Сомали и Эритрее, продают и покупают черных людей как тюки с шерстью, хотя официально это запрещено законом.

Все прекрасно знают, что захвати Италия Абиссинию — рабам будет еще хуже чем теперь. Сейчас у них сидят на шее только абиссинские эксплоататоры, тогда же сядет еще итальянский фабрикант.

Мы в Советском союзе противники всякого рабства, но мы хорошо знаем, что Абиссиния освобо-

дится от рабства не тогда, когда на смену негусу придет итальянский фабрикант, а когда сами угнетенные народы решат изменить свою судьбу.

Мы против войны, мы знаем, какие беды несет народам война. Максим Максимович Литвинов в Лиге наций сказал, что нельзя допускать этой войны, что можно и нужно найти мирные средства для того, чтобы разрешить все споры между народами.

Советский союз и здесь, как всегда, выступил за дело мира как защитник права небольших народов самим устраивать свою судьбу.

Рабочие всего мира выступают против этой войны. Коминтерн призвал всех трудящихся и прежде всего железнодорожников, моряков, портовых рабочих, чтобы ни один поезд, ни одно судно не прошли для поддержки итальянской войны в Абиссинии.

Италия уже выступила против Абиссинии. Кто же одолеет в этой борьбе? Вооруженное до зубов европейское государство или слабый и малокультурный африканский народ?

Сейчас об этом судят и рядят военные специалисты всех стран и почти все говорят, что Абиссиния — это такой орешек, который Италии будет трудновато разгрызть.

Ну, конечно, их оружие и сравнивать нельзя. Будь дело в открытом поле — не устоять абиссинцам.

Но горы — дело другое: это естественные крепости. На стороне итальянцев — танки, пулеметы, самолеты, новейшие орудия. На стороне абиссинцев — горы, болота, непроходимые пески, смертельное для европейцев солнце, малярия.

У итальянского солдата — автоматическая винтовка, походная кухня, хорошие обувь и одежда.

Абиссинский солдат не привык к обуви. Почти весь народ — охотники, меткие стрелки, в походе едят мало. Абиссинская пехота может сделать за ночь 70—80 километров — она движется быстрее кавалерии. За полчаса отряд в пятьсот человек может успеть приготовить пищу, поесть и отдохнуть от похода. Он в своих горных переулках дома.

Самолеты могут дотла разрушить абиссинские селения, но эти плетеные города можно за два дня снова выстроить. Говорят, итальянцы могут послать в Абиссинию миллион солдат; абиссинцы могут выставить два.

Вот и решайте. Кто сильней: пришлое войско или народ, который до последней капли крови решил защищать свою страну?

Абиссинский пехотинец.

ЗМЕИНЫЙ ПОХОД

Павел Барто

Рис. В. Цельмера

Весной пошел я в Зоопарк. Надо сказать, что с самого детства я питаю какую-то особую страсть ко всяким «отвращающим насекомым», как называла моя, ничего не понимавшая в биологии бабка все, что извивается и ползает по земле.

И вот мимо льва, слона и бегемота я прошел прямо к самому для меня привлекательному в Зоопарке — к огромному сетчатому питону (удаву), в террариум.

Случайно перед витриной питона встретил я заведующего террариумом, еще совсем молодого парня, но уже опытного научного работника Михаила Распопова. Он согласился проводить меня по террариуму. За одной из витрин, встав на хвост и раздув шею, мерно покачивалась ядовитейшая в мире змея — кобра.

— Эту кобру в прошлом году я сам поймал в Туркестане во время своей кушкинской командировки, — сказал Распопов. И вдруг я вспомнил, что где-то я уже читал о подвигах молодого охотника за змеями.

— Погодите, — спросил я, — не о вас ли в прошлом году «Комсомольская правда» писала? Это вы чуть не умерли от укуса какой-то змеи?

— Я, обо мне. Скоро вот опять еду за змеями на Кавказ. Ведь змеи — интереснейшие животные. Но, к сожалению, они очень мало изучены. Герпетология (наука о гадах) — наука еще молодая. У нас в Союзе крупных специалистов-герпетологов всего какой-нибудь десяток. Многие стороны жизни пресмыкающихся и земноводных остаются для нас до сих пор темными, например такой интересный и важный вопрос, как спячка (зимний сон) пресмыкающихся. Изучить этот вопрос в природных условиях невозможно, так как зимовки змей чаще всего находятся на глубине двух с половиной метров и скрыты от нас толстым слоем промерзшей земли. Для зимних опытов по изучению этой спячки нам в этом году понадобится очень много самых разнообразных змей.

После часа беседы мы с Распоповым так сошлись, словно были знакомы давным-давно. Когда он сказал, что ищет помощника для предстоящей поездки за пре-

смыкающимися в Дагестан и Азербайджан, я попросил его похлопотать в Зоопарке, чтобы этим помощником был я.

★

— Ну, завтра, с поездом двенадцать тридцать мы, наконец, едем, — внезапно появляясь в дверях и подкидывая к потолку фуражку, об'явил мне Распопов.

— Завтра? Но ведь надо же собраться...

— А чего собираться? Возьмите с собой мыло, полотенце, зубную щетку и смену белья. Об орудиях лова не беспокойтесь. Ужей и желтопузиков мы будем ловить прямо руками, ну а для ядовитых змей что надо мы сделаем там на месте.

Мы уже попрощались с Распоповым, и вдруг опять я услышал его голос.

— Захватите еще пару лишних перчаток, — кричал он мне с улицы.

Зачем мне на Кавказе, да еще летом, могут пригодиться перчатки, я не понимал, но у Распопова был опыт, и я решил послушаться.

★

Вот мы и на Кавказе.

Прибрежными кустами пробираемся вдоль мутного, но спокойного здесь Терека. Это наша первая охота в окрестностях города Кизляра. Выбрали мы это место потому, что, по рассказам бывавших здесь натуралистов, нигде не встречали они так много водяных ужей, как в окрестностях Кизляра. Кусты иногда сменялись зарослями сухого, прошлогоднего камыша. Уже несколько раз с шуршанием и свистом дорогу нам пересекали внушительного вида толстые серые змеи. Желтых отметин на голове у них не было, а между тем Миша Распопов утверждал, что это были ужи, самые настоящие сетчатые водяные ужи, как он их называл.

И быстрые же были эти сетчатые ужи, как ручьи! Мы и опомниться не успеем, а они уже у воды, вольются в мутную реку, и нет их.

— Ну, пора и за дело, — сказал Миша. — Как увидишь теперь ужа, бросайся на него и за что попало: за хвост, так за хвост, за голову, так за голову—хватай его. Кстати, никогда не забывай трех правил всякого порядочного змеелова: первое — смелость, второе — быстрота и ловкость и третье — спокойствие.

И вдруг Михаил нырнул куда-то в траву, а когда поднялся, в руке у него извивался огромный шашечного рисунка уж.

— То была теория, а это практика.

— Ты никогда раньше не ловил ужей? — спросил Миша.

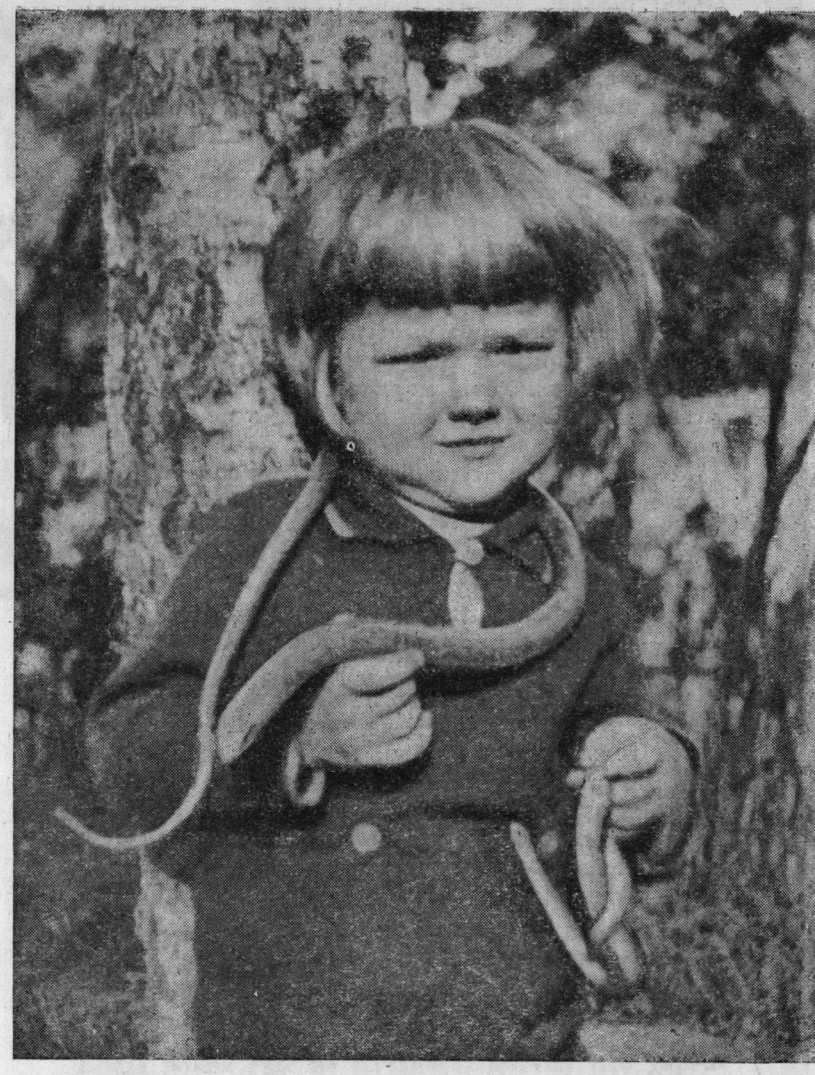
— Нет, в детстве разве, — признался я.

— Ну, тогда советую тебе надеть перчатки.

Перчатки у меня были не какие-нибудь завалящиеся. Нет, это были отличные кожаные перчатки, с ремешком у кисти и большими раструбами-отворотами, закрывавшими мою руку чуть не до локтя.

Теперь дело у меня пошло успешней.

Не прошло и минуты — и в руках у меня был уж. Но тут с моим ужом случилось то, что случается со всяким ужом при подобных обстоятельствах. Я просто забыл об этой его способности, наверно не раз уже спасавшей ему жизнь. Извиваясь, уж прижался задней частью своего тела к моим рукам и вдруг обдал их такой вонючей жидкостью, что у меня сразу закружилась голова и тошнота подступила к горлу. Перчатки спасли мои руки от этой пахучей жидкости. Но сами они погибли безвозвратно.



Дочь автора этого очерка, 4-летняя Марина с желтопузиком и маленьким песчаным удавом.

На следующий день, встав с восходом солнца, мы направились опять к Тереку. У моста мы встретили ребят с удочками. Ребята собирались идти на разливы Терека, на озеро, удить рыбу.

— Много у вас здесь змей? — спросили мы.

— Глухарей у нас здесь очень масса, — сказал один, остальные почему-то засмеялись. Я, признаться, тоже подумал, что в словах парнишки скрыта какая-то шутка, но Распопов об'яснил мне, что «глухарями» в этих краях называют безногую ящерицу-желтопузика.

Ребята посоветовали нам «по-над Тереком» не искать, а идти прямо по арыкам, в глубь полей. В это время года арыки сухи. По одну сторону арыка расстилались поля с кукурузой и подсолнухом, по другую — тянулся луг, поросший кустами ивы, тута и лоховника. Я шел канавой, Миша — лугом. Трава еще была мокрая от росы. Мы нарочно вышли так рано, чтобы захватить те драгоценные для ловли пресмыкающихся часы, когда солнце не прогрело еще воздуха и поэтому движения их вялы.

Иду я, вдруг вижу: на краю канавы лежит совсем новенькая казацкая нагайка. Вот находка-то. Шагнул я к ней, нагайка ожила, изогнулась и, хлестнув меня своим тонким концом, нырнула в нору какого-то грызуна.

Растянувшись во всю длину, отдыхала такая же нагайка на нижней ветке какого-то куста. При мишином приближении тяжелой палицей упала она почти к самым его ногам.

— Зоопарк еще не видывал таких гигантов-желтопузиков, — с гордостью говорил Распопов, изо всех сил стараясь заправить своего пленника головой вперед в мешок.

Желтопузик упрямился: он вылезал из мешка, испуганно мигал золотистыми глазами и хлестал Мишу по бокам сильным и жестким хвостом. Голова желтопузика, действительно, чем-то напоминала голову ящерицы. От головы до хвоста, вдоль туловища, у него тянулся как бы шов. Было похоже, что желтопузик состоит из двух, сшитых изнутри половинок: нижней и верхней.

— Если разрезать глухаря по этому шву, — сказал мне Миша, — то внутри у него можно найти остатки когда-то бывших у его предков задних конечностей.

Скоро у каждого из нас в мешке было желтопузиков уже по десятку. Но чем выше поднималось солнце, тем трудней становилось их ловить и тем меньше они оправдывали свое местное название «глухарей». Какие же это «глухари», если к середине дня они не подпускали нас ближе чем шагов на пятнадцать?

К концу дня приключился со мной курьезный случай. Иду я по арыку, ящерицы от меня так в стороны и удирают. В жару ящериц ловить — кошку надо с собой носить, и та их не поймает. Смотрю: по склону что-то катится. Пригляделся я: желтопузик! Чудно мне показалось: с чего бы это ему так катиться? А желтопузик докатился до дна арыка и закрутился, завертелся веретеном.

— Миша! — закричал я. — Припадочный желтопузик! Брать его?

Миша соскочил в канаву и захохотал.

— Припадочный! Это он мышь поймал, вот и крутится, чтобы его не кусала.

Нагнулся я к желтопузику. И правда: он во рту держал что-то, правда не мышь, а ящерицу. Возвращались мы в город, неся каждый порядочную ношу. Желтопузики в мешках свивались клубками, затягивали друг друга петлями, сопели и чихали всю дорогу.

★

В кизлярской гостинице, проездом из Махач-Кала (столица Дагестана), остановился предрика ставки Терекли—Гусейнов. Случайно мы разговорились с ним. Он ждал грузовика, который должен был отвезти его домой.

— Поедемте к нам в Кара-Нагай, — предложил Гусейнов, — вот где змей-то! У нас их называют «летучками». Недавно одна такая набросилась в поле на колхозницу, обкрутила ее и чуть не ужалила. Хорошо, вовремя подоспели мужчины и прямо на колхознице изрезали змею кинжалами.

Мы с Мишей посоветовались и решили принять предложение Гусейнова.

Грузовик пришел поздно ночью. И вот мы тронулись в путь.

Кончился город, и за нами сомкнулась ночь. Впереди, вклиниваясь в темноту леса, бежала и подпрыгивала световая полоса от фонарей нашего быстро несущегося грузовика. Вон еж неспеша улепетывает в сторонку. Кончился лес — заплясали перед нами длинноногие тушканчики, перебежал световую дорогу степной заяц.

Переехали Терек, мчимся степью. Дышим горькой полынью. Степь журчит своими особыми ночными звуками. Иногда из травы с воплем взлетает ночной кулик-авдотка и затихает где-то вдали.

Свернув от автомобиля в сторону, нагаец изо всех сил старается удержать запряженного в арбу верблюда. Тьма поглощает их, но долго еще за собой мы слышим встревоженный рев животного и крик нагайца «Ач-ач-ач!.. »

Светает. Степь звучит теперь по-новому. С высоты на землю льют свои песни степные хохлатые жаворонки, занесшиеся в высь встречать солнце.

Вот мы проносимся мимо заросшего озера, звучащего тысячью лягушиных голосов. Впереди показываются постройки, большой сад. Около дома Гусейнова, высоко, на большом дереве, сидел павлин со своей павой и приветствовал нас своим зычным, далеко разносящимся в предутренней сырости криком.

Кобра—очковая змея.

★

— Ну, если верить словам Гусейнова, что край кишит ядовитыми змеями, да еще притом какими-то летучими, — сказал с улыбкой Распопов, — так нам прежде всего надо сделать подходящие орудия лова.

Мы шли по берегу окруженного ветлами озера. У одной из ветел Миша остановился, попросил у меня перочинный ножик и полез на дерево. Там он долго резал что-то и строгал, а когда слез, то в руках у него оказались две длинных гибких тросточки, оканчивающихся на одном конце развилкой, за поясом же торчали две рогатки.

— Теперь ты вооружен, — сказал Миша, передавая мне тросточку и рогатку.

— И это все? — спросил я.

— И это все, — ответил он.

В водорослях, у берега, ворочались оливковые с искоркой болотные черепахи.

Мы оставили озеро и кустами стали пробираться к огородам. Не успели мы пройти и полпути, как вдруг шедший несколько впереди Миша закричал мне:

— Павел, Павел, иди сюда скорей, я научу тебя, как обращаться с ядовитыми змеями!

Напролом через кусты я бросился к Мише. Концом тросточки он прижимал что-то к земле. Это что-то оказалось степной гадюкой. У нее были маленькая, резко отграниченная от тела и по форме похожая на копье головка, очень толстое круглое тело, с темным загзагообразным рисунком на спине и коротким завитком хвост.

— Тросточкой я только не давал гадюке уползти,— сказал Миша, — теперь смотри: маленькой рогаткой я перехватываю и прижимаю ее у головы, потом беру гадюку двумя пальцами за шею — и дело в шляпе! Ну, а теперь попробуй сам проделать то же.

И Миша бросил гадюку к моим ногам. Гадюка сейчас же свернулась спиралью и угрожающе зашипела.

Я дотронулся до нее тросточкой — она попробовала укусить тросточку. Невольно я отдернул руку. Гадюка развернулась и поползла. Я снова ткнул в нее, промахнулся, ткнул еще — и гадюка червем закрутилась под развилкой. Тогда я встал на колени и перехватил змею у головы маленькой рогаткой. Словом, все остальное я проделал столь же просто и четко, как и Распопов. Одна беда: когда я опустил гадюку в мешок, оказалось, что она мертва. Верно, держа гадюку уже в руке, я с непривычки перестарался и слишком сильно сдавил пальцы. Впредь я решил быть осторожнее.

И вот после часа удачной ловли в мешке у меня было четыре живых гадюки. Дойдя до огородов, мы с Мишей разделились: я пошел вдоль одного плетня, он — вдоль другого.

Окрыленный своим успехом с гадюками, я только и мечтал теперь что о встрече и единоборстве с загадочной, даже для самого Распопова, летучкой.

Неожиданно у самого плетня я заметил свернувшуюся связкой каната большую серо-коричневую змею. Мысленно, наглаз, прикинув, какая она будет, если развернется, я прямо испугался ее размеров. Чем-то она напомнила мне кобру, которую я видел в Зоопарке. Змея уже заметила меня и теперь пристально следила за малейшим моим движением.

«Смелость, быстрота и спокойствие»,—пронеслось у меня в мозгу, и, нацелившись, я сейчас же выбросил вперед руку с тросточкой, но едва развилка коснулась змеи, словно электрический ток прошел по всему ее телу, вмиг распутав свои петли, она с силой хлестнула меня по ногам и отскочила, шипя и свистя как лопнувшая шина.

Не совладев с собой, я тоже отступил. Но упустить такую добычу было бы просто позором. Я снова метнул в нее своей тросточкой и снова попал неудачно, видно, прижал ее ближе к хвосту. Тогда с разинутой, как бы перекошенной судорогой пастью змея бросилась на меня, обвилась вокруг моих сапог и несколько раз укусила меня немного повыше коленки. Заметив мою борьбу со змеей, с криком «Летучка, летучка!» ко мне со всех сторон сбегались колхозники. Я ждал мгновенной смерти, но она все не наступала. Прибежал Миша.

— Молодец, — похвалил он меня, — вот это добыча! Таких огромных полозов, — говорил он, освобождая из тугих петель змеи мои сапоги, — я давно не видел. Ведь в нем, пожалуй, без малого, метра два с половиной будет!

Агама.

— Надеюсь, он не очень искусал тебя?

— Пустяки, совсем чуть-чуть, в коленку, — ответил я.

Некоторые колхозники понимали по-русски. Миша тут же прочел им лекцию по герпетологии. Он вытащил из мешка живую гадюку, заставил ее разинуть пасть и, указав на ее подвижные ядовитые зубы, об'яснил, что именно этими зубами, а вовсе не языком, который служит ей лишь органом осязания, она кусает. Потом по многим признакам он научил колхозников отличать ядовитую змею от неядовитой. Одним из этих признаков был тот, что у всех ядовитых змей, как у животных сумеречных, зрачок продольный, а не круглый.

Ложась в этот день спать, я заметил у себя над коленкой бисерную татуировку от укуса желтобрюха.

★

Сейчас же за Терекли начинаются пески. Эти живые, движущиеся пески тянутся вдаль на сотни километров. Из окна дома, в котором мы остановились, видны их теряющиеся в розовой дымке барханы. Песчаная пустыня годами то наступала на Терекли, то отступала. И вот в эту-то пустыню мы и направлялись теперь в надежде встретить здесь таких пресмыкающихся, жизнь которых тесно связана с песками. День обещал быть жарким, и, условившись далеко не заходить, мы взяли с собой только самое необходимое: свои тросточки с рогатками, мешки и литровую бутылку воды на двоих.

Песок в пустыне был до того тонок, что, попадая в рот, не скрипел на зубах, а набираясь в ботинки, был почти не ощутим. Жизнь в песках вокруг нас так и кишела. На каждом шагу мы видели ее собственными глазами, о том же, чего не видели, рассказывал нам сам песок.

Шевельнул ли ветер острыми листьями осоки—словно циркулем провели они на песке полукруг. Прополз жук — тонкую двойную цепочку протянул под кусты. Под кустами ямка — это вырыл жука тушканчик. Вот двойная цепочка пошире — приходила сюда черепаха. Попадая себе след в след, пробежала лисица. Обо всем этом рассказывал нам песок. Все было записано здесь: и любовь, и борьба, и убийство. Язык пустыни не сложен: быстро научаешься разбираться в этих песчаных записях. Но спеши: налетит ветер и сотрет все, словно губкой с доски.

В песках мы ловили прытких ящериц, ушастых круглоголовок и агам.

Степных агам за их способность менять окраску называют еще пустынными хамелеонами.

Нелегкая была эта охота. Прытких ящериц еще проще других было ловить, с агамами же и круглоголовками можно было сломать себе голову.

Висит этакий хамелеончик ввиде разноцветного лоскутка на сухом колючем кустике (нижняя часть шеи у самца-агамы в брачный период яркосиняя, хвост оранжевый), завидит тебя шагов за десять, за пятнадцать, спрыгнет с куста, и, задрав колечком хвост, понесется по гладкому песку, с бархана на бархан как на колесиках. Жара страшная, от песков так и пышет, сверху солнце растапливает мозги, но я срываюсь с места и бросаюсь за ним в погоню.

Вот, наконец, добыча передо мной. Чтобы скорее прикрыть ее ладонью, я сразмаху падаю на песок, но агама тут же скрывается в какую-нибудь норку.

С круглоголовками повторялось приблизительно то же, с той разницей, что загнанная в тупик круглоголовка внезапно поворачивалась ко мне, зубчатым рупором раздувала просвечивающие красным углы рта и мертвой хваткой впивалась в протянутую за ней руку. Так и висела она с закрытыми глазами, как бы в обмороке, пока другой рукой я не разжимал ей челюстей. Поймав пяток агам и круглоголовок, я растянулся на песке.

— Если хочешь идти дальше, иди, — сказал я Мише, — а с меня на сегодня хватит!

Миша молча воткнул в вершину бархана мою палку, повесил на нее свой пиджак, чтобы по нему найти меня, и ушел.

Года два назад в Средней Азии Распопов вот так же увлекся охотой, потерял своих спутников, заблудился

в песках и чуть не погиб, двое суток пробродив без воды и пищи.

Сижу я так в тени пиджака, вдруг вижу: у ног моих пересыпаются песчинки, словно под песком струится что-то. Копнул я песок рукой и вытащил из него змею—песчаного удавика. Удавик был пегий, немного снизу как бы сплющенный, с маленькой головкой и желтыми бисерными глазками на самой макушке. Я спрятал его в мешок. Наконец-то вернулся Распопов. Кроме десятка агам в мешке у него тоже сидел один удавик.

— Я наткнулся на него как раз в тот момент, когда он душил какого-то маленького грызуна, — сказал Миша. — Вот и пришлось дожидаться, пока он его заглотает.

Обратный путь в Терекли показался мне нескончаемым. Я не ожидал, что мы так далеко зашли в пески. Придя в селение, я вынул деревянную пробку из бочки с водой. Потом, сидя на ступеньках какого-то крыльца, долго прикладывался к горлышку бутылки и поливал себя из той же бутылки с ног до головы.

Через несколько дней грузовик мчал нас обратно в Кизляр.

★

В кизлярской гостинице нас ждала маленькая неприятность. За наше отсутствие как-то развязался мешок с желтопузиками. Они расползлись по всему номеру, и нам пришлось выуживать их из-под шкафов и кроватей. На базаре мы купили два больших чайных ящика. Пробуравив их со всех сторон шилом, мы сделали в них отделения и разместили свою добычу. На мешке с гадюками чернильным карандашом мы изобразили череп и две скрещенные под ним кости, надписали «Осторожно! Гадюки!» и, заколотив ящики, понесли сдавать их на почту. В посылках наших все время скреблось и шуршало. Сдавая их, мы нарочно до последнего момента, как бы от нетерпения, а на самом деле чтобы заглушить это зловещее шуршанье, барабанили по ним пальцами.

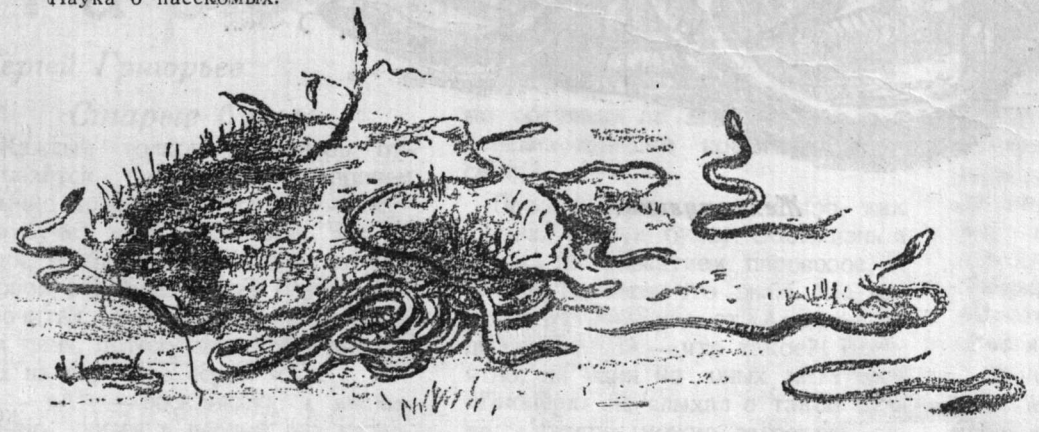
Выручил нас сам приемщик. Прочтя адрес, он преисполнился к нам уважением. А когда услышал шум в посылке, то, видно, подумал, что мы отправляем каких-нибудь насекомых.

— Энтомология[1]? — спросил он нас, желая показать свою ученость.

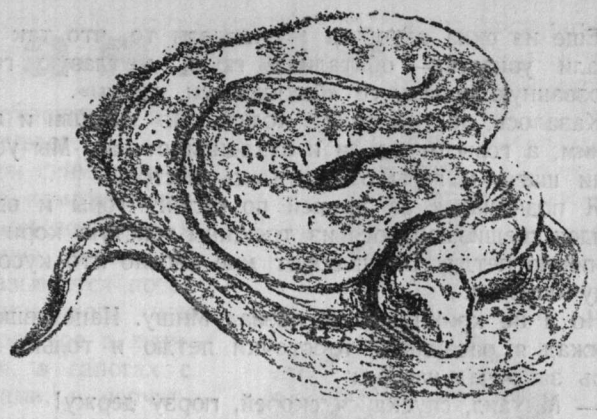
— Да, да, энтомология, — радостно закивали мы головами.

Сдав посылку, мы отправились на вокзал. Мы ехали теперь в Азербайджан. Это уже было значительно южнее. Здесь водились разные, очень опасные ядовитые змеи: гадюка-носорог, армянская гадюка, гюрза и т. д.

[1] Наука о насекомых.



Гадюки.



Гюрза.

★

В Баку, на агробиостанции, мы нашли знающего человека, который сказал нам, что уже в окрестностях Баку мы сможем достать не только ящериц: горных агам и сцинков, но и таких змей, как гюрза.

Одна из местных гюрз, правда, в довольно плачевном состоянии, сидела тут же, на агробиостанции, в террариуме. С особым вниманием рассматривал я эту достойную по ядовитости соперницу кобры. От легкой царапины зубом гюрзы в прошлом году чуть не умер Распопов. Во время своей последней кушкинской командировки с отрядом наших пограничников Миша пробирался вдоль персидской границы. В тюках на лошади он вез свою добычу: кобр, гюрз, огромных метровых ящериц — варанов, и т. п. Одна из гюрз сидела у Миши в ненадежном мешке. Пересаживая ее в другой мешок, Миша почувствовал легкий укол в палец. Весь яд остался на мешке, но гюрза все же оцарапала Мишу. Распопов сейчас же принял необходимые предосторожности: надрезав ранку, высосал ее, перевязал потуже руку у кисти и локтя, но не прошло и часу, как он почувствовал себя дурно и должен был слезть с лошади. Скоро он впал в беспамятство.

Нерастерявшийся начальник отряда сейчас же послал в Кушку за доктором. Когда доктор приехал, Миша уже умирал. Пролежав шестнадцать часов без памяти, он страшно распух, и сердце его билось пятнадцать ударов в минуту.

Доктор зондом раскрыл Мише вспухшую глотку и прежде всего ввел ему в желудок порядочную дозу спирта. Потом он сделал на руках, ногах и ребрах надрезы и через эти надрезы с помощью массажа выпустил липкую, ставшую похожей на чернила кровь. Этим он спас Мише жизнь. Вернувшись уже в Москву, Распопов проболел еще месяца три. Сердце его отказывалось работать без камфары, весь он был покрыт нарывами. Доктора не верили, что он может выжить. Но Миша выжил, и это был один случай на тысячу подобных же, оканчивающихся смертью.

★

Поднявшись на автобусе к нагорному парку, разбитому на месте бывшего обширного кладбища, мы дорогой, идущей зигзагами, спустились в глубокую долину, миновали заросший вышками нефтяной промысел Локбатан и приближались к промыслу Пута.

Еще из окна автобуса мы увидели то, что так жаждали увидеть, — обиталище гюрз, двуглавую гору, прозванную почему-то «бакинскими ушами».

Казалось, до гор рукой подать. Но мы шли и шли к ним, а горы отходили и отходили от нас. Мы ускоряли шаг — и горы отодвигались быстрей.

Я поднимался за Мишей по склону горы и вдруг увидел свешивающуюся из трещины толстую коричнево-пегую петлю. За шиворот мне словно кто кусочек льду опустил.

Но я не крикнул и не позвал Мишу. Нацелившись, прижал я развилкой тросточки петлю и только теперь закричал наверх:

— Михаил, спускайся скорей, гюрзу держу!

Вероятно, по голосу моему Миша понял, что я не шучу. Пока он спускался ко мне, змея все больше и больше, протискиваясь под развилкой, уползала в щель, а как удержать ее, я не знал. Наконец примчался запыхавшийся Миша.

— Держишь?

— Уползла почти, — и, осмелев, я рванул за петли пальцем.

— Да ты с ума сошел! — кричал Миша. — Хорошо, хвост наружу выскочил, а если бы голова?

Управившись один со змеей, Миша держал ее теперь за шиворот. Распахнувшимся кошельком смотрела на меня широко раскрытая пасть гюрзы. На верхней челюсти ее, из бескровных десен, торчали два острых зуба. На каждом из них поблескивала янтарная, смертоносная капелька. Накрепко завязав гюрзу в мешок, Миша сунул мне ее за спину, в рюкзак.

Перед от'ездом в Москву охотились мы вблизи селения Зых на сцинков. Сцинк — это ящерица, напоминающая желтопузика, но с короткими, далеко отстоящими — передняя пара от задних — ногами.

Над расположенным где-то внизу селением далеко вперед выдающейся крышей нависла цепь плоских каменных плит. Миша шел по крутому, каменистому склону под этой крышей, я — сверху, по плитам. День был пасмурный, и мы поймали одну единственную ящерицу. Мы уже поговаривали о том, чтобы вернуться в Баку, как вдруг прямо у себя над головой в выветренной каменной складке Миша заметил забравшуюся в нее маленькую пятнистую змейку. Снизу достать ее было невозможно, и, попросив меня остановиться в указанном им месте, Миша сделал обход и взобрался ко мне. Смело подошел он к самому краю и так перегнулся, что я, стоявший поодаль, невольно отклонился всем телом назад. Отсюда достать змею тоже, казалось, было невозможно. Но Миша не привык отступать перед трудностями. Не пожелав даже, чтобы я держал его за пояс, он обхватил край нависающего камня коленями и вывернулся под него почти до талии.

— Кажется, небольшой полозок ревергиера, — говорил он, появляясь над камнем уже со змеей в руках.

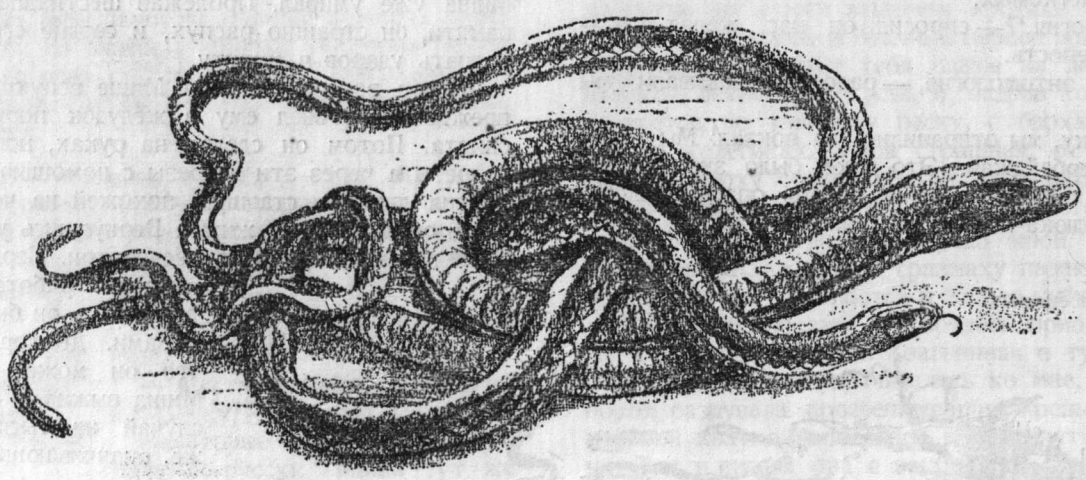
Едва я взглянул на змейку, дрожь охватила меня с ног до головы: у нее были светлые, бессонные глаза, с грозным зрачком — поперечной черточкой.

— Что ты делаешь? — закричал я. — Ведь это гюрза! Миша вздрогнул, перехватил змею за шею и вдруг начал покрывать ее поцелуями.

— Гюрзенок, миленький, маленький гюрзенок, — приговаривал он, — что же это ты меня не тяпнул, дурашка? Или тяпнул? Ну, конечно, тяпнул — вот и царапины на ногте. Промахнулся только.

Оплошность со стороны Распопова была непростительная. Но Миша тут же нашел себе оправдание.

— Я уверен, — сказал он, — что если я не умер от укуса прошлогодней гюрзы (та ведь была гюрзища!), укус этого гюрзенка не причинил бы мне большого вреда. Конечно, мое предположение требует проверки Когда приеду домой, я обязательно дам ему укусить себя. И, может быть, не раз! Так должен поступать всякий ученый, когда он хочет в чем-нибудь убедить и себя и других!



Желтопузики.

Чарли Чаплин

Кто этот грустный человек с маленькими усиками, в шляпе-котелке, в широких спущенных штанах и в невероятной длины ботинках? Этот грустный человек—Чарли Чаплин. Самый смешной человек в мире.

Глядя на этого человека, смеются люди всех стран мира. Это один из самых знаменитых людей земного шара. Когда он приехал в Лондон, то под тяжестью народа, который пришел его встречать и приветствовать, рухнула пристань.

Киноактеры знамениты по-разному: одни тем, что они красивы, другие тем, что хорошо прыгают, бегают, а Чарли Чаплин знаменит тем, что он похож на своего зрителя, тем, что он вскрывает смешные стороны своего зрителя. Зритель и смеется над ним и сочувствует ему.

Кто его зритель в больших городах Европы и Америки? Его зритель — городская мелкота: клерки—конторские служащие, приказчики магазинов. Это такой народ, которому подчас хлеба не на что купить, но который тянется изо всех сил, чтобы быть похожим на богатых людей. Они, как и Чаплин, носят воротничок, тросточку, галстук. Многие из них покупают у старьевщиков поношенные костюмы богатых. И на этих людей, одетых в чужую, поношенную шкуру, и похож Чаплин.

На экране он одет в чужой костюм. В самых затруднительных случаях он старается сохранить вид собственного достоинства. Вот уж, кажется, совсем плохо ему, его бросили в воду, на нем только и осталось, что котелок, галстук и брюки, а он вылез и уж обязательно поправит галстук и котелок на голове. Приличие прежде всего! Приличие, котелок и галстук в буржуазном обществе заслонили все настоящие человеческие отношения. Вот это-то Чаплин и высмеивает.

Фильмы, в которых он снимается,— всегда комедии. В этих комедиях над Чаплином издеваются, он попадает в самое трудное положение, но все-таки в конце-концов оказывается победителем: побьет полицейского или бросит миллионеру пирожное в лицо.

В брюках штопором, в сапогах с загнутыми вверх носками, в перчатках — он не меняет грима из картины в картину. В одной картине он попадает в рай. У Чаплина даже в раю есть кварталы бедных. Там продают старое платье и старые, подержанные крылья для бедных ангелов.

Предпоследней картиной Чарли Чаплина была картина «Огни большого города». Она начиналась с того, что идет по улице Чарли Чаплин, бездомный, в холодную ночь.

Он видит какую-то высокую палатку, забирается в нее, спит. Утром собирается большая толпа. Мэр говорит речь о том, что сегодня будет открыта статуя Просперити — благосостояния. Наконец Америка добилась того, что в ней нет бездомных бродяг.

С громадной статуи падает холст, на ладони статуи спит кто-то. Оркестр играет туш. На ладони статуи встает маленький Чаплин и кланяется публике.

Дальше идет рассказ о том, как случайно сделался Чарли Чаплин владельцем роскошного автомобиля и ездил по улицам собирать окурки.

Фашисты не любят Чаплина. Он считает себя другом Советского союза и скоро, должно быть, приедет к нам погостить. Сейчас, когда собирается единый фронт против фашизма, Чаплин — наш друг. Он умеет дискредитировать, осмеивать тот мир, с которым мы боремся.

Паровозная азбука

Сергей Григорьев

Старые буквы

Каждый толковый словарь открывается буквой «А», причем обычно поясняется, что «А» — первая буква всех алфавитов. Что до меня, то буква «А» была не только первой в азбуке, но ее первую я и прочитал, она первой прозвучала для меня, потому что мой отец ездил на паровозе серии «А».

— «А!» — воскликнул я восхищенно, увидев в первый раз нарядный паровоз с медными начищенными обручами по зеленому котлу и с великолепными красными колесами.

Прошло полвека с тех пор, как я узнал первую букву. Всю жизнь я следил за развитием паровозов, и можно сказать, что знаю всю паровозную азбуку — от «А» до «ижицы». «Ижица» — что такое?! Вероятно, ни один из юных читателей «Пионера» не слыхал о такой букве. «Ижицу» можно встретить теперь только на переднем паровозном брусе, на будке машиниста и на тендере паровозов серии «V»; «ижица» пишется как римская цифра «пять». А в старой русской азбуке «ижица» была самой последней буквой, и про нее сложена поговорка: «Ижица — розга к спине ближится». Отец иногда грозил: «Вот я тебе пропишу ижицу...»

Да, прошло полвека — и я вижу, что «ижица» «прописана» на паровозе, хотя давно уже забыта и исключена из азбуки. Не думайте,

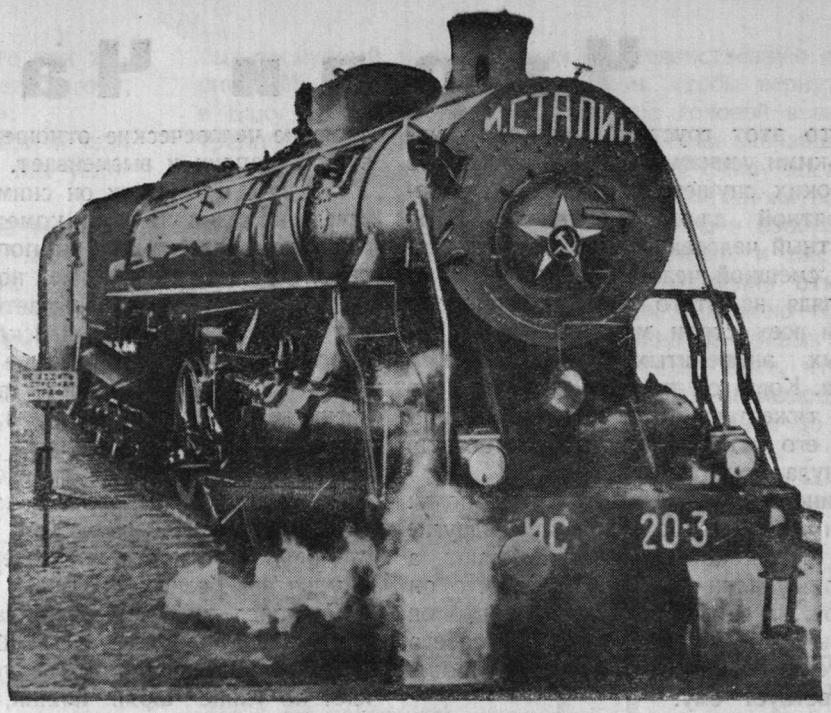
впрочем, что паровоз «ижица» — плохая машина: «ижицы» до сих пор исправно возят довольно тяжелые поезда на Московско-Казанской дороге. И возраст их не так уж велик, лет так 25, не более. Это молодой паровоз. На нашей сети есть «старики»-паровозы, работающие более 40 лет (серия, обозначенная буквой «Ч»). Последние 20 «ижиц» были построены совсем недавно Брянским заводом: в 1927 году — для заводских железных дорог.

На наших паровозах вы можете найти и еще одну забытую и отвергнутую букву дореволюционной азбуки—именно «фиту». Это мощные паровозы Маллета: у них по ш е с т и ведущих осей, соединенных по три; каждая тройка осей имеет свою пару цилиндров, дышл и кривошипов. Маллеты работают на горных участках Сибирской дороги и работали на Закавказской дороге, пока их не сменили там электровозы; маллеты — паровозы могучие, для дорог с трудным профилем, с крутыми под'емами и кривыми.

Погибшее „ять"

Из отринутых нами букв в паровозной азбуке не повезло только знаменитой букве «ять». В конце войны 1914—1917 годов Путиловский завод начал строить пятиосные паровозы «ять», с четырехцилиндровой машиной компаунд, с коленчатой ведущей осью. Уже клепали котлы, готовы были медные топки, но в 1918 году Путиловский завод решили эвакуировать из Петрограда—и части паровозов «ять» попали в разные места. При восстановлении паровозостроения после гражданской войны специалисты-паровозники убедились, что «ять» сложнее и слабее паровозов той же силы и с пятью ведущими осями (серия «Э»), поэтому ни один паровоз «ять» не был собран. «Ять» в паровозной азбуке погибло навсегда!

В настоящее время у нас в паровозной азбуке 35 букв. В паровозной азбуке не только «ижица» и «фита», а и «твердый знак»? И «и с точкой»? Да! Есть и «твердый знак»—паровозы «Ер»—это все наши пассажирские танки (паровозы без тендера). Но паровозы «и с точкой» ныне исключены из инвентаря, то есть пошли на слом. А это были замечательные машины—пассажирские маллеты! Правда, их было всего несколько штук. Алфавит исчерпан! Известный специалист-паровозостроитель А. О. Чечотт, впрочем, предлагал усложнить азбучные надписи на паровозах. И,



например, на паровозе серии „Ек" № 9007 профессор Чечотт написал бы: «ЕПРАТАЯПЗ. 9007».

И тут было бы сказано все: что это за паровоз, сколько у него колес, какой он силы и т. д.,— если, конечно, наперед условиться и знать, что значит каждая буква!

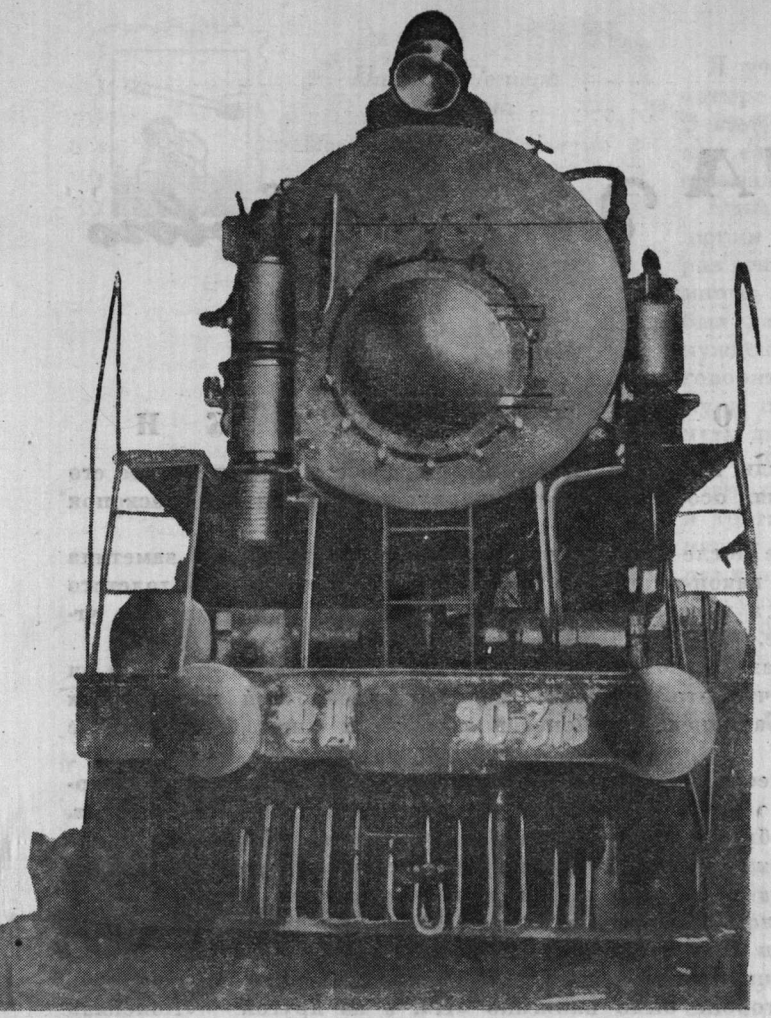
Как читать эту азбуку?

— Не хватает советских букв для обозначения паровозов — это плохо! — скажет иной буквоед.

— Да, плохо!—согласимся и мы, но вовсе не из буквоедства. То, что не хватает букв для паровозной азбуки, указывает на пестроту паровозного парка, полученного нами в наследство от царской России. Ведь каждая буква в паровозной азбуке указывает на особенности паровоза. Все мы знаем серию «Э» («Эхо»), прекрасный товарный паровоз с пятью ведущими осями, или серию «С», пассажирские паровозы с тремя парами высоких ведущих колес и двумя бегунками спереди и под топкой. Иногда около большой буквы на паровозе еще приставлены вправо, вверху, и вправо, внизу, маленькие буквы: они тоже указывают на некоторые особые черты в устройстве паровоза. Так у нас на всех дорогах есть многочисленная серия машин «О». Эти товарные паровозы нам сейчас кажутся маленькими, а в России перед войной считали их мощность вполне достаточной и назвали эту серию основной («О») и думали, что все товарные паровозы следует заменить такими. Но и в основной серии конструкторы немало мудрили. Все знают скромную «овечку» — паровоз серии „Ов". Есть еще в основной серии паровозы „Од", „Ол", „Ок", „Оо", „Оп", „Оч", „Оу"... Серия у всех у них одна, а части разные.

Это очень плохо. Машины, которых много, должны обладать свойством «взаимозаменяемости»: чтобы любую часть одной машины можно было перенести на другую в случае поломки. Запасные части должны подходить к любой машине. При постройке стандартных паровозов можно обходиться одними и теми же станками и приспособлениями. Конечно, и ремонт легче, если паровозы одинаковы. Наконец, стандартный паровоз и при обслуживании в депо (чистка, промывка, заправка) и в пути удобнее: с любой машины бригада может перейти на другую без ознакомления с особенностями серии.

После гражданской войны, когда мы начали восстанавливать транспорт, паровозов не хватало — пришлось извлечь с кладбища, где паровозы обросли травой и кустами, всех «стариков». А заграницей мы принуждены были иной раз покупать не то, что надо, а что есть в наличности. Например мы купили у знаменитого судостроителя Армстронга (Англия, Нью-Кестль) порядочное число паровозов «О» в 1923 году и постройки именно этого года. Этим паровозам приданы буквы „Оу". Признаюсь откровенно, я сам знаток паровозной азбуки, но и мне невдомек, что здесь значит «у»; будем считать, что «у» значит здесь не «усиленный», как в серии „Оу", а «устарелый».



Паровоз молодой, а устарелый! Что же, выкинуть его? О, нет! Революция ничего не выбрасывает зря. У нее работают и «старики»-паровозы, пока они могут. И «овечки» и «О-устарелые» умрут естественной смертью: их вытеснит и вытесняет уже молодое поколение могучих паровозов новых серий.

Великаны транспорта

Букв в новой революционной паровозной азбуке должно быть немного. Какие основные серии нам нужны? Транспортная азбука наших дней говорит: выгоднее во всех отношениях возить большие тяжелые поезда, составленные из крупных большегрузных вагонов. Это одинаково верно и для пассажирских и для товарных поездов. Вместо того чтобы отправлять два поезда, лучше везти один двойного веса: и путь, и мощность паровозов, и время используются лучше. Отсюда вывод: нам нужны мощные паровозы и для пассажирского и для грузового движения.

В последнем году второй пятилетки по железным дорогам Союза будет перевезено почти в два раза больше грузов чем в последнем году первой пятилетки, а пассажирское движение возрастет почти в полтора раза. Задача колоссальная! Мы должны догнать и перегнать Америку! Но в Америке на некоторых дорогах курсируют поезда весом до 17 000 тонн. А мы только недавно установили рекорд для товарного поезда 2 000 тонн.

Для этого придется перестроить пути, мосты, уложить новые, более тяжелые рельсы, усилить сцепку вагонов, улучшить сигнализацию и т. д. Но начинать приходится с паровозов. Нам нужны могучие и быстрые тяжеловозы. У нас есть уже два типа, две серии паровозов, позволяющих полностью использовать и путь и подвижной состав наших железных дорог. Это пассажирский паровоз серии «ИС» (Иосиф Сталин) и товарный паровоз серии «ФД» (Феликс Дзержинский). Паровоз «ФД» мощностью в два раза обогнал локомотив «Эхо», бывший до сей поры самым сильным тяжеловозом на нашей сети. «ИС» тоже в два раза сильнее наших мощных скороходов серий «С» и «С^{у}».

Паровозов «ИС» и «ФД» пока у нас немного. В 1934 году работало всего 64 машины «ФД» и 3 «ИС».

Луганский завод должен выпускать в год более 1000 «железных Феликсов», а новый завод в Орске доведет в 1937 году выпуск паровозов «ИС» до 310 в год.

В последнее время выпущены еще два новых могучих тяжеловоза «А. Андреев» и «СО»— Серго Орджоникидзе. Вот новые советские буквы, вошедшие в старую паровозную азбуку.

Будут, конечно, у нас еще долго работать паровозы «С» и «Э». Все «ижицы», «фиты», «щуки», «яшки» и «овечки» скоро исчезнут. А на самых трудных участках нашей сети, где нужна не только мощь, но и огромная сцепная с рельсом сила — это на горных дорогах, — проектируется ставить электровоз советской конструкции «ВЛ» (Владимир Ленин); он уже построен, испытан и показал результаты лучшие чем заграничные электровозы.

ПОЧТА доктора Звенового

Письмо Тамары Евдохиной

Москва, ул. Радио, д. 6/2, кв. 3

Мои находки

Однажды я была в Историческом музее и осмотрела все его отделения, особенно мне понравилось в отделении раскопок недр.

Вскоре после этого у нас стали рыть погреб, и я заметила черепки какой-то посуды. Были они вроде короткого толстого стакана, а в середине у них было маленькое полукруглое углубление.

Я показала свою находку учителю по истории в школе, и он сказал, что это, вероятно, черепки аптекарской посуды, так как в Бауманском районе, в котором я живу, были раньше аптеки.

Я отнесла черепки в Исторический музей, и там подтвердили, что это действительно аптекарская посуда XIII столетия.

Я вообще люблю заниматься раскопками. Как-то раз я нашла заржавленную и покрытую плесенью монету. Дома я ее положила в керосин и, когда вынула, начала скоблить иголкой, шилом. Наконец, я стала разбирать какие-то выпуклости. Почистив еще немного, я положила монету в керосин на целые сутки. Вынув ее из керосина, я разобрала следующее: на одной стороне было написано «П», а на другой — «Копейка» и «1799 год». По указанному году я догадалась, что эта монета была выпущена при Павле I.

Приехав из лагеря, я нашла еще два черепка аптекарской посуды.

Письмо Левы Буняка

Москва, Еропкинский переулок, д. 10, кв. 1

Трусость

У нас много смелых, отважных ребят, но есть и трусы.

Вот о них-то и написал Лева.

Из трусости переписывали они письмо, подсунутое классовым врагом.

Если эти пионеры побоялись глупой угрозы, как же они будут себя держать в настоящем, большом деле?

Пусть ребята напишут нам о храбрых ребятах и о примерах храбрости и о трусливых ребятах.

Вот что произошло в нашей школе. В один и тот же день некоторые ребята получили письмо очень глупого содержания, которое оканчивалось словами:

«Если ты не перепишешь это письмо в трех экземплярах и не распространишь их в самый короткий срок, то тебя постигнет большое несчастье».

И вот ребята, боясь этого «несчастья», тут же, на уроке, переписывали это письмо. Результаты сказались очень скоро. Чтобы не получить «неуда», эти ребята стали переписывать письмо. Занятые перепиской, они не слушали преподавателя, а затем и получали неудовлетворительные отметки.

Большинство ребят—пионеры, и никто из них не сказал о письме: все они побоялись глупой угрозы. Совершенно случайно вожатая нашла это письмо.

Разве это настоящие пионеры, которые из-за страха покрывают плохие дела своих товарищей и классового врага, который стоял за этими ребятами и внушал им глупые суеверия?

Павлик Морозов никогда не боялся открыто говорить о плохих делах.

И я думаю, что плохой тот пионер, который трусит. И потом он тоже будет трусить и не будет никогда смелым бойцом.

Письмо Петера Флорина

Москва, Кропоткинская ул., школа им. Либкнехта

Как я спорил с учителем

Я учился в Германии и во Франции. В Германии я учился четыре года в народной школе и остальное время — в средней. В этой школе не было ни одного пионера, кроме меня, во всяком случае, я о них ничего не слышал. В моем классе я часто вступал в спор с учителем и с учениками.

Однажды учитель немецкого языка сказал: «Во время революции русские убили своего императора». Я выступил и хотел раз'яснить, что этот император подобно всем угнетателям убил много людей и эксплоатировал многих, поэтому расстрел его был заслуженным возмездием. Едва успел я начать, как вынужден был остановиться. Учитель сказал: «Никто не смеет говорить подобные вещи». Во время перемены я подошел к нему и повторил то же самое еще раз, но он быстро скрылся, чуть ли не убежал в учительскую.

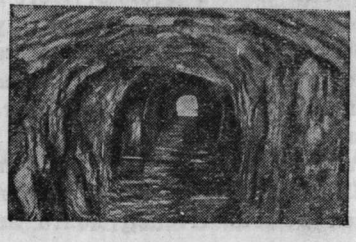
Во Франции я пробыл в школе два года. Я побывал в трех разных школах. В двух из них совершенно не было пионеров, в третьей было их немного. И здесь происходили дискуссии между мной и другими детьми. Я был пионером и пытался раз'яснять им многое. Но ребята боялись поверить мне, так как учитель говорил иначе.

Во Франции применяются те же методы обучения, что и в Германии. Учеников бьют, строго наказывают, иногда дело доходит до карцера. Во всех учебниках, в конце каждой главы, стоит резюме, которое ученик должен выучивать наизусть.

Письмо Артура Рудзита

Пятигорск, ул. Рубина, д. 6

Легенда о горе Бештау



Недавно я слышал одну легенду про то, как гора Бештау подралась с горой Эльбрус из-за горы Машук. В древности у горы Бештау была шапка, а у Эльбруса—острая макушка. Однажды горы поспорили: кому управлять Машуком? Тогда Эльбрус взял шашку и ударил Бештау по шапке. Шапка разбилась и большими скалами осталась лежать у подножья. Тогда Бештау ударил кинжалом по макушке Эльбруса, от чего у Эльбруса макушка стала раздвоенной.

В горе Машук есть большой провал. Этот провал образовался так: на южном склоне, под землей, было пустое пространство, и во время землетрясения верхний слой земли провалился, там образовался провал. Внизу провала находится серная вода. Раньше туда спускались на канатах, потом пробили тоннель. Я шлю вам открытки с видами Кавказа.

Письмо Олега Дубинина

с. Кавернино, Горьковский край, Б. Ильинка, д. 42

Лоси на свободе

26 июля мы с дядей и двоюродным братом ходили на ночь ловить рыбу на реку Узолу. Чтобы не прозевать утренний клёв, мы встали в 3 часа утра. Мы разложили костер, стали кипятить чай, а дядя ловил рыбу. Было довольно светло. Я лег около костра и глядел на другую сторону реки, в лес. Вдруг из лесу выбежали два жеребенка и бросились к реке. Один сразу бросился в воду и поплыл, а другой в нерешительности остановился на берегу, но, видя, что другой уже вылез на наш берег, бросился в воду и тоже переплыл реку. Лес от берега стоял саженях в 200, а дальше было болото. Один жеребенок стал переходить болото совсем недалеко от нашего костра. В это время брат вскочил и крикнул: «Лоси!.. Лоси!.. Олег!.. Лоси!.. Гляди!!» Я тоже вскочил. Испугавшись нашего крика, лось (самец), которого я принял за жеребенка, прибавил ходу. Красиво закинув голову назад и высоко выбрасывая ноги, он быстро пересек болото и скрылся в лесу. Лось, должно быть, был молодой, так как рога у него были очень малы. Самка, испугавшись крика, побежала по берегу и, переплыв реку, скрылась в лесу, на другой стороне.

Я видел лосей только в неволе, а теперь я их видел в лесу, на свободе.

Как мы раздружились

Письмо Гали Рокос
Москва, Солянка, д. 1

Во многих отрядах есть такие ребята, которые как «старые кумушки» любят посплетничать. Вот подружилась Галя Рокос с мальчиками, занималась с ними, каталась на коньках, а «кумушки» скорей выдумывать небылицы про них. Вожатая, конечно, поступила неправильно, когда она не об'яснила ребятам, что нет ничего плохого в дружбе девочек с мальчиками, а сама стала на сторону эти «кумушек».

Раньше девочки и мальчики не дружили потому, что учились они в разных школах, и взрослые старались сделать так, чтобы у них были разные интересы.

А теперь наши девочки вместе с мальчиками строят авиомодели, изобретают машины, участвуют в соревнованиях, вместе учатся, почему же им не дружить?

Галя Рокос совершенно права. Мы просим всех ребят написать нам, как они дружат между собой.

Некоторые ребята не понимают, что мальчик может дружить с девочкой так же, как девочка с девочкой. Вот зимой, во время первых каникул, я все время ходила в школу. Там мы играли в волейбол, ходили кататься на коньках. Девочек ходило мало в школу: они предпочитали сидеть дома. И вот во время каникул я подружилась с двумя мальчиками из параллельной группы: с Шурой и Колей. Познакомились мы так: как-то раз разговорились об отметках. У меня за первые четверти отметки были все на «отлично», только за последний ответ по истории я имела «хор». У Шуры и Коли тоже, оказывается, все отметки были на «отлично», но только «уд» у обоих по русскому.

После волейбола я попросила их рассказать мне отдел по истории, за который я получила «хор». Они рассказали мне его лучше, чем я его рассказала учительнице. Сразу у меня появилось уважение к этим пионерам, раз они историю лучше меня знают, а я считалась лучшей ученицей. Они рассказали, что вот у них с русским беда. Я взялась им помогать. Я спросила у педагога по русскому языку, какие диктанты нужно им давать, и организовала кружок. Через месяц после каникул класс, в котором учились Шура и Коля, на меня почему-то обозлился, и, как я только войду в класс (а я тогда была в учкоме), сейчас же начинаются смешки. Я сначала не поняла, в чем дело, а потом девочки мне рассказали о всяких сплетнях. Я очень удивилась. Вожатая нашего отряда узнала, что Шура и Коля дружат со мной, и на собрании отряда вдруг спрашивает Шуру: «Какого ты мнения о Рокос?» Я не понимаю: зачем было ставить этот вопрос? После этого мы с ребятами перестали дружить, они даже боялись подойти ко мне. Мне очень хочется знать: как дружат девочки и мальчики в других школах?

Письмо Роберта Рогоносова
Город Красноуфимск

«Один не досмотришь»,— пишет Роберт Рогоносов. Так многие ребята думают. Только не все так делают, как Роберт.

Не выходит у них что-нибудь, они и бросают делать. А ведь у всех ребят есть друг, который всегда им поможет.

С помощью ребят Роберт устроил в школе живой уголок, и теперь никакой кот не зайдет туда и не с'ест рыб, потому что не один Роберт, а все ребята охраняют уголок.

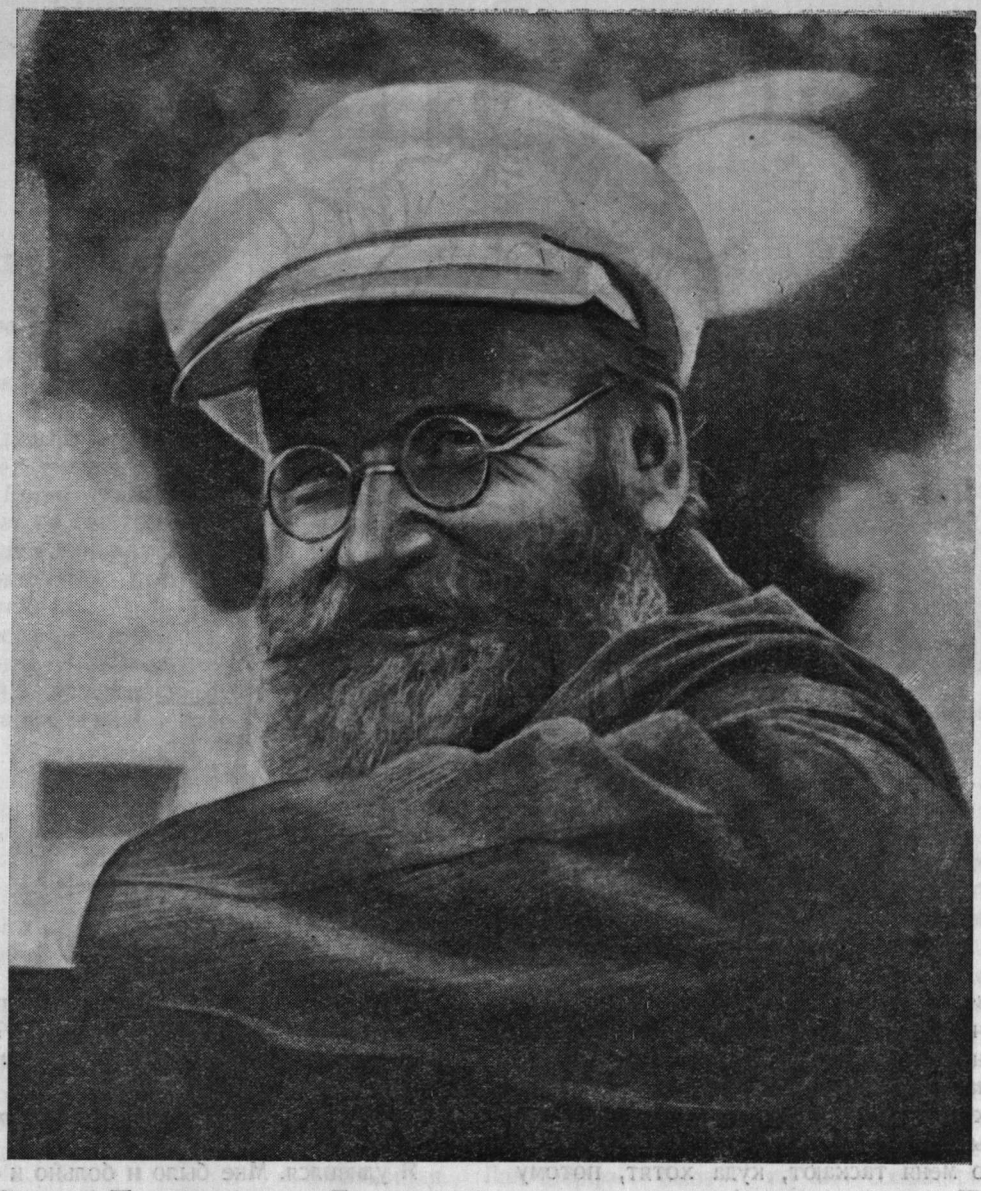
Живой уголок

Один раз я с товарищами пошел в одно местечко, так называемое Саргастрой, а на этом Саргастрое был пруд. Мы выкупались и стали кататься на плотах. Вдруг ребята разорили где-то гнездо и тащат птенцов-воробушков. Увидел я это и сказал, что птенцов нужно положить обратно, но ребята не послушались и даже показали мне гнездо. Я отошел и хотел уйти домой, но в последний момент обернулся и увидел барахтающегося в воде птенца. Я вскочил на плот и оттолкнулся от берега, взял птенца и ушел домой. Птенец долго жил у меня. У него сошли уже желтые пятна на клюве, и он уже начал летать. Я один раз выпустил его полетать, птенчик пролетел немного и сел на землю, как вдруг, откуда ни возьмись, выскочил кот и сцапал воробья за бок. Я успел отнять воробья у кота, но у него под крылышком было прокушено.

А кормил я его все время то кашей, то червячками. На другой день он издох. Как ни жалко мне было воробья, но я не унывал и решил сделать аквариум для рыб.

И вот я поймал 3 пескарей, 1 головля, 1 окуня и 5 гольцов. Все, конечно, маленькие. Кормил я рыб червяками и хлебом. Рыбы жили у меня полгода. Один раз я вынес аквариум на двор, сменил воду и поставил на кадку, а потом забыл, ночью же пошел дождь, аквариум переполнился, и как только рыбы всплыли на поверхность воды, их смыло, и они вылетели из аквариума. А кот — он еще с вечера вертелся около аквариума — вскочил на кадку и разбил половину аквариума, только верхнюю часть, и с'ел рыб. У меня осталось только три пескаря, но и эти рыбы у меня погибли, а отчего, не знаю.

И я понял, что мне одному ничего не сделать: один не досмотришь. И я придумал: я сказал Валентине Алексеевне, учительнице по зоологии, что нужно сделать в классе живой уголок, и такой, чтобы животные подходили к тому материалу, который мы прорабатываем. Она согласилась, и мы начали организовывать наш живой уголок.



Мы знаем Сергея Тимофеевича Григорьева вот уже двенадцать лет. Первые наши читатели давно уже выросли, сотрудники постарели, а он как будто и не меняется. Каким мы видели его тогда, таков он и теперь. Он первым из писателей пришел тогда в открывшийся только журнал. За эти 12 лет Сергей Тимофеевич сделал очень много для советских ребят. Его „Берко-кантонист“ читали сотни тысяч, если не миллионы школьников и пионеров. Книги его: „Мальчий бунт“, „С мешком за смертью“, „Тайна Ани Гай“ — зачитывались до дыр. Сегодня Григорьеву шестьдесят лет. Мы: редакция, писатели, художники и читатели — сердечно его поздравляем и желаем ему еще долгой и плодотворной жизни!

„Не туда!“

— Мы попросили Сергея Тимофеевича: „Напишите нам что-нибудь о своей жизни“.

Он сказал: „Хотите, я напишу вам, какой я был, когда мне было три года? Говорят, я таким и остался“.

„Давайте“, — сказали мы.

Когда говорят: «Я помню себя с трех лет», я всегда сомневаюсь: да может ли это быть?

Ребенок в семье, да еще балованный ребенок, всегда окружен воспоминаниями о его первых сознательных шагах. При ребенке в пять лет рассказывают родным и знакомым, какой он был в три, в два года. О замечательных случаях рассказывают много раз. Рассказы мы цепко храним потом в своей памяти и начинаем считать своими собственными воспоминаниями.

Воспоминания с чужого голоса иногда бывают живее и подлиннее своих. Хоть я и знаю, например, что едва ли я мог запомнить, что было со мной, когда

Ах, какая бурбалочка летает, гляди-ка!

еще меня «носили на руках», а вот помню и не могу, да и не очень хочу разубеждать себя, помню—и баста.

Меня носили на руках, куда хотели, а я еще не знал, куда мне надо, не знал еще названий тех мест и предметов, каких хотел достигнуть, и даже не научился еще указывать рукой, куда. Но, однако, я уже был в обиде, что меня таскают, куда хотят, потому что мне ведь самому куда-то надо!

— Опять не туда! — сердилась нянька, не угадав моих неясных намерений.

— Не туда! Не туда! — кричал я няньке сердито. Она и к яблоне в саду, и к петуху, и к голубям:

— Не туда!

— А вот воробушки на бузине чирикают.

— Не туда!

— Ах, какая бурбалочка[1] летает, гляди-ка! Опять «не туда»? Тогда идем домой.

— Не туда!

— Так куда ж тебе, окаянный, накачался на мою головушку?! Все «не туда» — так вот сиди!

И нянька ссунула меня с рук на верхнюю ступеньку крыльца. Крыльцо было высокое, ступенек двадцать. Нянька куда-то отвернулась, а я еще «не знал края», но понимал, что из дому мы выходим (я «на руках») всегда по этой лестнице. Я решительно двинулся к краю, оступился, упал и почувствовал, что какая-то самовластная, неодолимая сила кувыркает меня со ступеньки на ступеньку.

— Не туда! Не туда! — завопил я, катясь вниз.

Прибежала нянька, за нею — мать.

Я стукнулся лбом о землю, пересчитав все ступеньки, и крикнул в последний раз:

— Не туда!..

Жду, что будет. Зловредная мыслишка: «Ну, теперь няньке за меня попадет!» И что же? Слышу: и мать и нянька весело хохочут. Нянька даже визжит от восторга:

— Ой, батюшки, умру! «Не туда» говорит. Ой, милые, умру!

Я удивился. Мне было и больно и обидно. Я поднялся с земли и молча начал карабкаться вверх по лестнице. Мать сбежала мне навстречу, подняла. Примачивая мне лоб, она все еще улыбалась и приговаривала:

— Ишь какую шишку набил! Вот тебе и «не туда»! Что отец скажет?

Я не плакал, ждал, когда отец вернется «из поезда»: расскажут ему или нет? Побоятся? Сам спросит: «Отчего это у Сережи на лбу шишка?» И уж попадет им!..

Не побоялись, сами рассказали да еще хохочут. И отец смеется:

— «Не туда»! Ха-ха-ха!

Случай этот, наверно, я узнал от старших, когда стал большим, но очень живо его помню и в юности вспоминал всегда с обидой.

Отец (он был большой насмешник), когда видел, что во мне кипят смутные, неясные стремления и я готов на ложный шаг, подмигнет и скажет, бывало:

— Что, брат, опять «не туда»?

Только теперь, на склоне дней, я понял, что насмешки отца были хорошие и дружелюбные. Быть может, они-то и помогли мне определить ясно и навсегда, к у д а мне надо, и научили идти к цели.

Не раз бывало и так, что оступишься и жизнь начнет тебя кувыркать вниз со ступеньки на ступеньку, а я про себя тихонько кричу:

— Не туда! Не туда!

Встану, пощупаю новую набитую шишку и опять начинаю карабкаться вверх по лестнице.

[1] Бабочка на средневолжском наречии.

В ПОИСКАХ РЕДКИХ РАСТЕНИЙ

А. Роскин

Трагические судьбы

«Какие тяжелые труды, и какой утомительной и тягостной наукой была бы ботаника, если бы нас не влекло к ней сильное чувство, которое я затрудняюсь определить ближе и которое сильнее чувства самосохранения! Когда думаешь об участи ботаников, то не знаешь, считать ли безумием или разумным делом то беспокойство, которое влечет их к растениям».

Так почти двести лет назад писал Карл Линней, знаменитый шведский ученый, прославленный «королевский ботаник и врач адмиралтейства» [1].

Не случайно Линней упоминал о «безумии» ботаников, о благородном безумии, что нередко толкало их ради науки на величайшие жертвы.

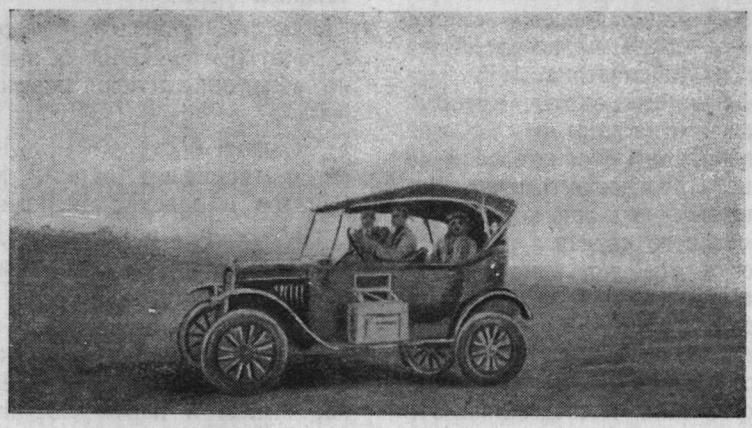
Наука о растениях... Это не только овеянные тишиной ботанические сады и кабинеты с папками, в которых хранятся засушенные листья и цветы. Поиски редких растений похожи на охоту, на опаснейшую охоту в тропических чащах, в окруженных раскаленными песками оазисах или среди пустынных нагорий...

Судьба многих охотников за растениями была трагична. Молодой академик Самуил Гмелин, один из замечательнейших ботаников XVIII века, отправился изучать растительность Кавказа. Он попал в плен к хану Дербента и умер в тюрьме.

Современник Гмелина, ботаник Лаксман, всю жизнь подвергался дикой травле со стороны царских чиновников и погиб во время одного из своих путешествий по Сибири.

Только недавно в архиве Академии наук, среди пыльных связок бумаг, нашли письма и заметки академика Лангсдорфа. Шаг за шагом по пожелтевшим от времени документам была восстановлена история путешествия Лангсдорфа в Южную Америку.

Это было в начале прошлого века. Во главе небольшой экспедиции Лангсдорф двинулся в глубь Бразилии.



Путешествие академика Вавилова на автомобиле по Сирии.

Восемь лет продолжалась эта экспедиция — восемь лет москитов, тропической жары, голода, смертоносной лихорадки, плавания по бурно несущимся рекам. Из далекой Бразилии отправлялись в Петербург, в Академию наук, тюки с добычей Лангсдорфа: чучела незнакомых животных, предметы домашнего обихода индейцев и, главное, семена редчайших растений.

Экспедиция Лангсдорфа была подвигом. Но к этому подвигу царская Россия отнеслась с позорным равнодушием: драгоценные материалы экспедиции Лангсдорфа сваливались в подвал Академии точно ненужный хлам, никто не позаботился и о самих участниках экспедиции. Между тем их судьба была ужасна: от перенесенных лишений и болезней Лангсдорф сошел с ума, а его помощник, моряк Рубцов, вернулся на родину парализованным.

От экспедиции Лангсдорфа осталось немногое: только несколько семян. Их посадили в Ботаническом саду в Петербурге. Из них выросли причудливые растения. Некоторые из них сохранились до сих пор, и они напоминают о печальной участи одного из охотников за растениями.

„Беспокойство“ ботаников

Советская наука не только восстановила многие замечательные имена охотников за растениями: она выдвинула новых неутомимых ботаников-путешественников.

Линней писал о «беспокойстве», которое влечет ботаников к растениям.

«Беспокойство» советских ботаников — это стремление овладеть зелеными богатствами земного шара, отыскать в самых дальних углах мира растения, которые могли бы быть полезны социалистическому земледелию.

1921 год принес засуху. Зной стоял над пустынной Волгой. Земля растрескалась, ночи пахли гарью. Посевы гибли.

Советские агрономы искали новые сорта растений, которые могли бы выдержать засуху, холод — все испытания, которым подвергаются растения на наших полях.

Но где искать эти растения?

Известный советский ботаник Н. И. Вавилов побывал в столице Соединенных штатов — Вашингтоне. С трудом разыскал он административные учреждения министерства земледелия. Канцелярии терялись среди лабораторий, оранжерей и сельскохозяйственных музеев. Здесь, в этом городке агрономической науки, узнал Вавилов, как американцы охотятся во всех частях света за семенами новых растений.

Тридцать пять лет назад из Вашингтона отправилась первая экспедиция в Южную Америку. Она вернулась с золотыми ананасами из Эквадора, новыми сортами бамбука из Чили, кормовыми кактуса-

[1] Официальный титул К. Линнея, занимавшегося, помимо ботаники, медициной и другими естественными науками.

ми без колючек из Аргентины, рисом и фасолью из Перу, съедобным растением «ямсом» с острова Тринидада.

С тех пор агрономы-путешественники собрали в Вашингтоне огромные коллекции возделываемых растений.

«Мы должны мобилизовать растительный капитал всего земного шара», — с такой мыслью вернулся Вавилов из Вашингтона.

Путь был один — тот, который наметили американцы.

Но американцы странствовали по всему свету без всякого плана. Находки их были, в конце концов, делом счастливого случая.

Около десяти лет напряженных исследований понадобилось Вавилову, чтобы установить, в каких именно пунктах земного шара можно рассчитывать на новые ботанические находки. Исследования эти показали, что растительные богатства не рассеяны по всему земному шару, а сосредоточены в немногих странах. Главными центрами оказались: югозападная Азия, Восточная Индия, горный Китай, Средиземье, Абиссиния и горные районы республик Центральной и Южной Америки — Мексики, Гватемалы, Колумбии, Перу и Чили.

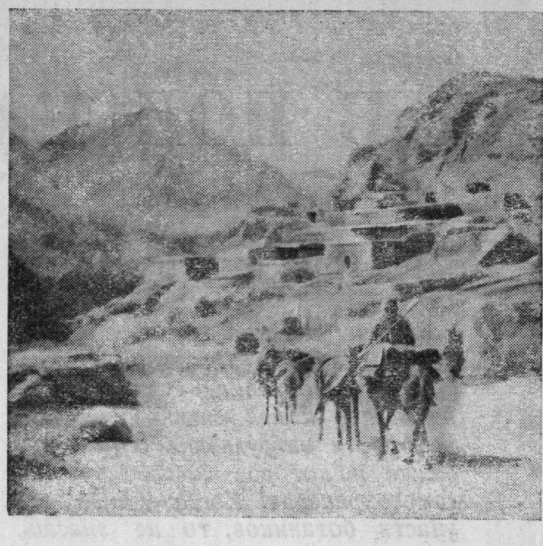
Шесть этих географических областей являются мировыми центрами культурных растений — ботаническими садами, где сосредоточено сказочное разнообразие растительных форм.

Это замечательное теоретическое открытие Вавилова значительно облегчило поиски новых растений.

Отложив в сторону книги, атласы и гербарные папки, двинулся Вавилов в далекие экспедиции.

Он побывал в Китае и Афганистане, Мексике и Абиссинии, Марокко и Бразилии...

Сотни тысяч километров прошел и проехал Вавилов в поисках новых сортов пшеницы и хлопчатника, ячменя и картофеля, каучуконосов и хинного дерева. Маршрут одной только экспедиции в средиземноморские страны насчитывает 80 тысяч километров. Немало испытаний и приключений пришлось пережить Вавилову в дни своих далеких путешествий.



Караван экспедиции академика Вавилова в Афганистане.

Сквозь Кафиристан

Когда дело шло о важных ботанических открытиях, Вавилов действовал очень настойчиво.

Вот один случай из путешествия Вавилова в Афганистан — государство, расположенное между СССР и Индией. Экспедиция возвращалась в СССР. Близ Кафиристана, одного из самых глухих и неприступных углов Афганистана, Вавилов нашел сорт пшеницы, который до сих пор не был известен ботаникам.

Этого было достаточно, чтобы изменить маршрут экспедиции. Вместо того чтобы вернуться на родину, Вавилов решил исследовать Кафиристан.

Ни одному европейцу не удалось до настоящего времени пересечь Кафиристан. Только однажды английский врач Робертсон вступил в него со стороны Индии, но неприступные горы, разбойничьи шайки и жестокие метели заставили Робертсона повернуть обратно.

Вавилов двинулся в Кафиристан без карты, маршрута и постоянных проводников.

Караван передвигался по мертвой стране. Перед экспедицией вырос Парун — главный хребет Гиндукуша, величайшей горной цепи Азии. Неверную тропу преграждали чащи и исполинские камни. Лошади застревали в расщелинах, повисали над пропастями, проваливались на предательских мостах. Проводники-кафиры в ужасе отказывались идти дальше: они подозревали, что экспедиция—ловушка, чужеземец взял их с собой, чтобы замучить. Они хотели убить Вавилова.

Брошенный проводниками, с подыхающими окровавленными лошадьми, с багажом на руках, который едва удалось спасти, Вавилов прорвался сквозь Кафиристан.

В тюках и ящиках, что несли ученые, были семена редких растений. Ради этих семян Вавилов взбирался на Парун, прокладывал дорогу через никем не пройденные лесные чащи, ночевал в занесенных снегами пещерах, отбивался от диких зверей.

За новыми растениями в Абиссинию

Вавилов был первым советским гражданином, посетившим Абиссинию. То была одна из интереснейших экспедиций советского ботаника.

Путешествие началось в Джибути, порту на Красном море, принадлежащем французам. Здесь Вавилов сел в поезд, связывающий Джибути со столицей Абиссинии Аддис-Абебой. Название это означает «Новый цветок».

В окнах вагона развертывались пустынные степи. Кое-где попадались деревни — кучи хижин, часто без крыш. Чем дальше уходил от моря поезд, тем безводнее становилась страна. Началась «бера» — абиссинская пустыня. Она не раз спасала Абиссинию от вражеских нашествий. Пятьдесят градусов жары в тени, отсутствие воды — вот что ждало здесь вторгавшихся в Абиссинию чужеземных солдат.

Среди песков «беры» гибли армии египтян и арабов, англичан и итальянцев. Никто из них не мог пересечь «беру» и овладеть «дегой» — горной цепью, круто вздымающейся в центре Абиссинии.

Однажды английским войскам под командой Роберта Нэпира удалось преодолеть пустыню и подойти к орлиным гнездам Абиссинии. Все же дальше двигаться Нэпир не решился. Он повернул назад вместе со своими 16 тысячами солдат и 44 слонами. Абиссиния благодаря своим пустыням и горам сохранила свою независимость.

Миновав унылые пески «беры», поезд въехал в горную страну, полную зелени и воды. В горах звенели ручьи, гремели водопады.

Поезда в Абиссинии идут только днем. На ночь они осторожно останавливаются на маленьких станциях: кто знает, что впереди? Не наскочит ли поезд на дикие стада?

Пассажиры располагаются на станциях как на постоялом дворе. Ночь встречает их ароматом цветущих лимонов. Надо ждать, пока солнце разгонит страхи и диких зверей.

На утро снова двигаются дальше. Кажется, что едешь среди развалин города великанов: горы похожи на

разрушенные стены, наклоненные башни, рухнувшие колокольни, треснувшие купола.

Поезд разгоняет стада, обдает паром банановые рощи и грохочет в ущельях.

Внезапно поезд остановился среди поля. Оказалось, что это поле и есть вокзал абиссинской столицы.

Пока абиссинское правительство обсуждало вопрос о разрешении Вавилову снарядить экспедицию в отдаленные районы страны, он знакомился со столицей Абиссинии.

Она мало чем отличалась от обычной африканской деревни — кучи шалашей, среди которых терялись немногие здания, построенные европейцами. В канавах вдоль улиц валялись обглоданные шакалами трупы бродяг: никто не заботился их убрать. На улицах изредка встречались офицеры абиссинской армии: их можно было узнать по плащам с изображением большого паука. На базаре купцы продавали свои товары в обмен на куски каменной соли, перец, ружейные патроны: своих денег в Абиссинии не существует.

Получив разрешение от правительства, Вавилов начал составлять караван. Нужны были проводники: без них нельзя было проникнуть в те недоступные горные районы, где, по предположениям Вавилова, росли редкие сорта многих растений. Нужна была и охрана: горные чащи кишат хищным зверьем, и нередко на караван нападают разбойники.

От лошадей пришлось отказаться: они не выдерживают долгого пути в горах. Их заменили 15 мулов.

Экспедиция направилась к реке Абай, так называется в Абиссинии Голубой Нил — великая река, которая несет свои воды Египту.

Путь был тяжел: ни одна дорога не пересекает эти места, ни одна переправа не облегчает караванам переход через Голубой Нил. Когда-то построенные португальскими завоевателями мосты через реку разрушены. Река мчится в глубокой расщелине. Вода кишит крокодилами.

Четыре дня потратила экспедиция на переход через Голубой Нил. Реку удалось, наконец, перейти на рассвете: в это время крокодилы дремлют и переход не так опасен. И все же пришлось дать более ста выстрелов, чтобы освободить путь от нильских хищников.

Выбраться на другой берег из почти отвесной расщелины было еще мучительнее. Казалось, караван атакует крепостные стены. Люди изнемогали.

По-своему опасны для экспедиции оказались и посещения городов. Абиссинское правительство снабдило Вавилова особым документом, в котором советский ученый об'являлся «гостем Эфиопии» (Эфиопия — официальное наименование абиссинского государства). Поэтому местные власти принимали Вавилова с особым почетом. Немедленно в честь «гостя Эфиопии» устраивался шумный пир. Столы багровели от сырого мяса, густо посыпанного перцем. Напивавшиеся до бесчувствия караванщики бесследно исчезали по соседним шалашам. Экспедиция оставалась без всякой охраны. Вавилову приходилось одному с ружьем в руках дежурить у костра всю ночь, отгоняя подкрадывавшихся гиен. На следующий день с утра уже Вавилова снова звали на пиршество. А отказываться — это значило бы нанести властям жестокую обиду. Наконец, проводники и погонщики явились. Хмуро грузили они багаж на мулов, вскидывая ружья на плечи, и передавали через переводчика своему начальнику, что теперь, «немного освежившись», они могут двигаться дальше.

Новый город — новая задержка! В конце концов Вавилов стал обходить большие селения. В глубине тропических чащ и горных скал Вавилов охранял людей от губительного кувшина с туземной водкой.

Из путешествия по Абиссинии Вавилов вернулся с богатой ботанической добычей. Он привез оттуда пшеницу темнофиолетового цвета, ячмень багровой окраски, растение «тэфф», недавно совершенно неизвестное в Европе, и множество других растений.

Ящички с семенами

Найденные Вавиловым и другими советскими ботаниками семена редких растений хранятся в одном из замечательнейших советских научных учреждений — Всесоюзном институте растениеводства. В одном из помещений Института висит большая карта земного шара. Вся она исчерчена линиями, показывающими маршруты советских охотников за растениями.

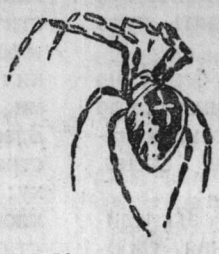
Сменяя поезда на верблюдов, океанские пароходы — на осликов, аэропланы — на горных лошадок, пересекали ловцы новых растений тропические чащи, взбирались на горные вершины, разбивали палатки в пустынях, всюду присматриваясь к неведомым колосьям и плодам. Растительные богатства всего мира, отысканные и привезенные советскими ботаниками, собраны в Институте растениеводства. В Институте хранятся десятки тысяч жестяных ящичков. В каждом из них — семена найденных советскими ботаниками новых растений. Здесь овсы из средиземноморских стран, способные переносить засуху; самые скороспелые в мире хлопчатники из Китая; седой кустарник из Мексики — гваюла, в стеблях которого течет драгоценный каучук; деревья-«скороходы» — сербская ель и румелийская сосна, растущие с поразительной быстротой; голубиный горох из Индии, который своими мощными корнями разрыхляет почву как крот, расчищая под пшеницу и другие растения брошенные земли...

Все найденые новые растения были испытаны на советских опытных станциях. Оказалось, многие из привезенных Вавиловым и его помощниками растений могут прекрасно расти у нас и давать обильные урожаи. Отысканные в далеких странах, неведомые до сих пор растения не только лежат засушенными в бесчисленных папках. В руках советских ботаников и агрономов, оказались тысячи новых сортов растений. Новые сорта пшеницы и ржи, текстильные и кормовые растения, каучуконосы—огромная армия зеленых иностранцев уже зацветает на полях нашей страны. Мечта об «обновленной земле» воплощается в действительность.

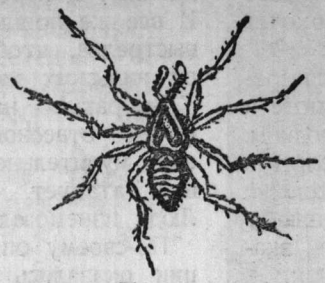
Подарок академику Вавилову от губернатора провинции Джелалабад: афганцы принесли сахарный тростник и апельсины.

вопросы и ответы

Скорпион.



Крестовик.



Тарантул.

Каракурт.

В прошлом номере на вопросы ребят отвечал Борис Житков. Здесь отвечает С. Я. Колмансон.

О пауках

„...Я хочу знать, опасны пауки или нет, а то моя бабушка их очень боится. Стоит ли мне бояться их так же, как она?

Из письма Вали Мартишевич (Ростов на Дону)

Твоя бабушка имеет основания бояться пауков: некоторые из них опасны для домашних животных и человека. Во всяком случае, их укус очень болезнен. Эти опасные пауки: скорпионы, каракурты и тарантулы — водятся в степях на юге СССР, в том числе и в степях Дона. Из них самый опасный — каракурт. Обыкновенные, наши домашние пауки неопасны. Надо научиться различать, какие пауки безобидные, а каких надо остерегаться.

Электрические рыбы действительно существуют. У некоторых скатов, которых называют «гнюсами», имеется особый электрический орган. Если прикоснуться к телу такого ската, происходит электрическая разрядка. Эта разрядка убивает неосторожных рыбок, подплывших к скату. Если к большому скату прикоснется человек, то он может получить такой сильный электрический удар, который его опрокинет.

Электрические скаты бывают в полтора метра длины, встречаются в Средиземном море, в Атлантическом и Индийском океанах.

О медведях и лосях

„...Расскажите мне о жизни медведя, лося, кенгуру и верблюда. Я хочу о них знать, а узнать мне негде“.

Из письма Лени Титова (г. Износки)

Ты хочешь узнать сразу о жизни медведя, лося, кенгуру и верблюда. В № 14 ты уже, наверное, прочел о кенгуру и видел его фотографию. В № 16 ты видел рисунок верблюда и узнал кое-что о нем. А теперь «Пионер» ответит на твой вопрос о больших наших лесных зверях — медведе и лосе.

Бурый медведь — самый сильный хищник наших лесов. Большой медведь Московского зоопарка, по кличке «Борец», сгибает и перекручивает железные прутья в 2—3 сантиметра толщиной так легко, как будто они не из железа, а из воска! К осени «мишка» сильно жиреет, а на зиму залегает в берлогу, в которой спит месяцев 5—6, ничего не ест и сильно к весне худеет.

Родятся медвежата очень маленькими: они весят всего около 500 граммов. Начиная с трехмесячного возраста медвежата могут хорошо ходить, стоя на одних задних лапах. Никакой другой зверь наших лесов не обладает такой способностью. Медведи легко приручаются, однако, даже хорошо прирученные, медведи бывают очень опасны для человека, так как иногда неожиданно бросаются на него. В лесу медведи обычно избегают людей, но известны случаи прямого нападения медведей на человека.

Лоси — самые крупные олени нашего Союза, достигают нередко 700 килограммов и даже больше. Как и у всех оленей, у самцов ежегодно к осени вырастают громадные разветвленные рога, которые весной спадают. Лоси распространены в таежных лесах вплоть до Дальнего Востока. Легче всех среди диких оленей можно приручить именно лосей: они быстро привязываются к человеку. Длинноногие лоси могут проходить через болотистые места, в которых другие животные завязают. Лоси могут подолгу питаться только ветками, поэтому они существуют в таких местностях, где нет никаких пастбищ. У нас всерьез думают о том, чтобы одомашнивать диких лосей целыми стадами в таких районах, где другие домашние животные не могут существовать.

Осенью, когда вырастают у самцов рога, лоси бывают очень свирепыми. Нападая, они бьют передней ногой и наносят сокрушительные удары.

РАЗЪЯСНЕНИЕ

В № 16 журнала „ПИОНЕР“, в биографии основателя „Артека“ замнаркомздрава З. П. Соловьева упоминается о его жене, приходившей к нему в тюрьму и уговаривавшей его отказаться от революционной работы. Редакция разъясняет, что это относится не к Маргарите Ивановне Соловьевой, а к его первой жене, умершей в 1919 году.

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

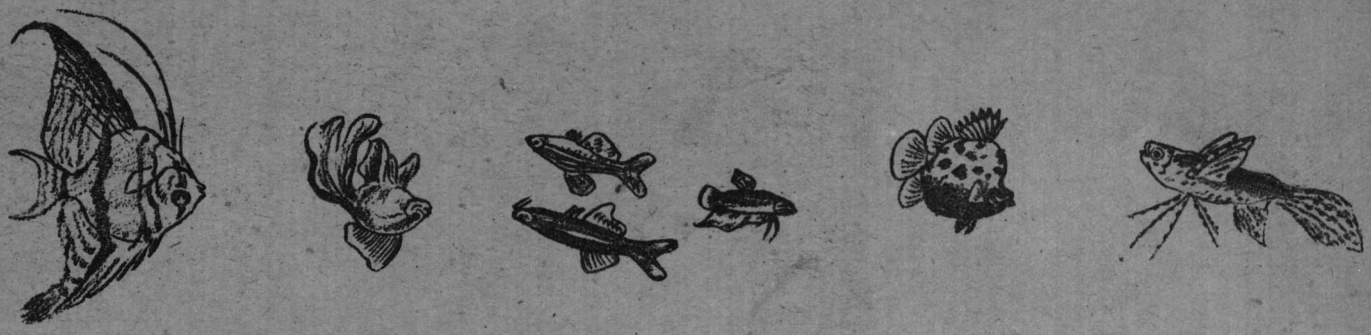
Сдано в набор 19/IX—35 г. Подписано к печати 14/X—35 г. Изд. № 953. Формат 62×94 см. 3 п. л. 55 000 зн. в печ. л.

Уполномоченный Главлита № Б—12995 Заказ № 2081 Тир. 60 000

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 8.

Московский зоопарк снабжает школы, научные организации и отдельных любителей всевозможными видами мелких животных.

В зоомагазинах имеются белые мыши и крысы, кролики, морские свинки, белки.



● **ЭКЗОТИЧЕСКИЕ РЫБЫ:** скаляре, телескоп, шубункин, золотая рыбка, аксалотли, разные улитки и растения для аквариума.

● **ЖИВОТНЫЕ ДЛЯ ТЕРРАРИУМА:** ужи, лягушки, ящерицы, черепахи.

● **МЕЛКИЕ ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ:** щеглы, чижи, реполовы, зяблики и др.

● **ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДЛЯ СОДЕРЖАНИЯ И УХОДА:** аквариумы, террариумы, разные клетки, экскурсионные и рыболовные принадлежности; чучела разных птиц и животных, корм для рыб и птиц и зоолитература.

С ТРЕБОВАНИЕМ ОБРАЩАТЬСЯ:

В зоомагазин № 1 — Арбат, 30, телефон Г-1-11-22.
В зоомагазин № 2—Кузнецкий мост, 17, телефон 33-76.
Зоофилиалы на колхозных рынках: № 1 — Зацепский, № 2 — Арбатский и № 3 — Усачевский.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

МОСКВА, 2, Арбат, 30, Торгово-производственный сектор Зоопарка, телефон Г-1-11-22 и Г-1-11-24.

Цветная фотография

Цветная фотография изобретена уже 40 лет назад, но до сих пор еще очень мало фотографов — специалистов этого дела.

Основы цветной фотографии очень просты. Для того чтобы передать все цвета в природе, достаточно, оказывается, только трех так называемых основных красок: красной, синей и желтой. Все видимые цвета получаются от смешения этих трех красок. На обороте изображена красочная схема, на которой видны самые простые смешения цветов.

Для цветной фотографии снимают три снимка с одного и того же предмета через три разных светофильтра, т. е. через три цветных стеклышка: красное, синее и желтое.

На красном снимке тогда получаются только те части предмета, которые окрашены в красный цвет, или цвета, содержащие красный цвет, т. е. фиолетовый и оранжевый, потому что красное стеклышко пропускает только красные лучи. Так же делается синий снимок и желтый. Затем все эти три разноцветные снимка на тонкой прозрачной пленке переводятся на белую бумагу один поверх другого, как сводные картинки.

На обороте две фотографии, снятые таким способом тов. Н. Тихомировой, одним из очень немногих специалистов цветной фотографии.

Цена 30 коп.

М72,45

ЦВЕТНЫЕ ФОТОГРАФИИ

Красочная схема

Сервиз. С выставки фарфора. Н. Тихомирова.

Букет цветов. Н. Тихомирова.

Ц. 1935 г.
Акт № 178
Вкладн. л.